

ИГОРЬ КОЛОСОВ

ВЫЖИВШИЕ ХОТЯТ СПАТЬ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Разработка серийного оформления
Владимира Безкровного

Колосов, Игорь Анатольевич.

К61 Выжившие хотят спать / Игорь Колосов. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-160876-7

После Великого Холода, который Иван и Ева пережили с группой людей под землей, они идут в никуда. Цивилизация рухнула, человек не может спать один и умирает, если его кто-то не разбудит. Одиночки изматывают себя, борются со сном, превращаются в бессознательных опасных шагунов. Люди не могут подолгу оставаться на одном месте и вынуждены перемещаться, по их следам идут банды, захватывающие рабов, и крысы с одичавшими собаками. Иван и Ева замечают странные знаки, это начинает их беспокоить. Куда ведут знаки: к спасению или в ловушку?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колосов И.А., текст, 2023

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-160876-7

В сумрачном подземелье с огарками свечей десятки людей лежат вповалку. Некоторые мертвы. Большинство спит, но сон глубок — от него до смерти ближе, чем до пробуждения. Два тусклых, слабеющих фонаря освещают теплую одежду темных тонов. Тихое дыхание. Стоны. Бормотание. Эти звуки бессильны против тишины кладбища.

Один из спящих вскрикивает во сне, дергается. Переворачивается на другой бок. Его вскинутая правая рука по инерции опускается на лицо соседа. Хлесткий звук удара. Сосед дергается.

И просыпается. Из носа медленно течет кровь. Он садится, смотрит вокруг, в глазах отражаются страх и недоумение. Он замечает у себя кровь, но это не имеет значения среди неподвижных тел. Он трясет лежащую рядом молодую женщину, затем ближайших соседей. Всех подряд. Женщина просыпается медленно, не сразу понимает, где она. За ней просыпаются еще несколько человек.

Встают не все, несмотря на тряску. Мужчина задерживает на их телах руку. Так и есть — холодная, окоченевшая плоть. Умерли? Во сне? От чего? Он не говорит ни слова другим, как будто звук голоса станет

катализатором нового несчастья, он просто показывает проснувшимся на тех, кто уснул навеки, и они понимают его без слов.

Непродолжительная заминка заканчивается суетой: небольшая группа будит остальных — вырывает из когтей смерти как можно большее количество народу. Большинство просыпается с трудом.

Дети плачут. Матери укачивают их, успокаивают без слов. Что-то говорить — тратить энергию, а сколько им еще терпеть, не знает никто. Выжившие смотрят друг другу в глаза, и это похоже на чтение мелкого шрифта: нужно напрягаться, хочется отвернуться. Но читать приходится, и смысл становится понятен.

Каждый из них понимает: им нужно как можно больше спать, это основа надежды на выживание, но с этого момента кто-то обязательно должен бодрствовать.

Иначе никто никогда не проснется.

1

Знак

Он смотрел, как она вздрагивает во сне, внутри его сжигала тоска.

Прежний мир больше не существовал, остался лишь его призрак, враждебный, дурно пахнущий. Как и остальные выжившие, они превратились в перекасти-поле, и впереди их ждала постоянная, изматывающая игра в прятки со смертью. Вопрос был лишь в том, насколько у них хватит сил?

Иван погладил спящую Еву по лицу, поднялся с колен, выглянул из окна. Они остановились в очень удобном месте, из-за чего он неосознанно ждал неприятностей. Продуктовый магазин, полный консервов, казался крошечным раем. Но разве рай находится посреди ада? Что-то Иван упустил, и они скоро уйдут отсюда. Даже ночевать не останутся.

Из окна просматривались перекресток и противоположная сторона улицы. Ряд полуразрушенных катаклизмами, временем и выжившими людьми зданий. Тихо. Даже крыс не слышно. Странно, что в здании нет помета этих тварей. До сих пор не добрались? Разве есть такие места?

Ивану померещилось движение на улице, он прижался щекой к стеклу.

По улице кто-то двигался. Шатун! На последней стадии, едва переставляющий ноги, он брел, спотыкаясь,

вскидывал голову, но сомнений не возникало — обречен. Еще немного, и он заснет на ходу. Заснет, чтобы уже никогда не проснуться.

Ева застонала во сне. Иван покосился на нее, затем проводил взглядом шатуна.

Через несколько минут появился еще один. На этот раз женщина средних лет: одета тепло, несмотря на летнюю погоду. Похоже, она борется давно. Ева снова застонала. Как будто шатуны мешают ее сну.

Иван отвернулся, посмотрел на Еву. Захотелось прижаться к ней и поблагодарить за то, что она есть. Господь, если это Он наслал Великую Катастрофу, наконец-то отыскал средство, чтобы мужчина и женщина ценили друг друга. В нынешние времена человек не мог выжить один. Люди не просыпаются самостоятельно. Только вмешательство извне вытаскивало из состояния, которое плавно переходило в смерть. Сон — брат смерти? Чье это изречение? Китайское? Теперь, если хочешь жить, спать можно только по очереди. Если есть с кем. В противном случае не помогут ни воля, ни шумовое устройство, ни падающий тяжелый предмет, ни льющаяся на голову вода. Только человек мог разбудить человека. Лишь телесный контакт с другим живым существом способен извлечь сознание спящего на поверхность.

Мимо магазина проковылял очередной шатун — молодой мужчина. Многовато их в одном месте. Ивану это не понравилось, желание убраться из магазина окрепло. На последнем издыхании шатуны становятся агрессивными, и, если их много, это может быть по-настоящему опасным. Перед кончиной у них обостряются все чувства.

Иван хотел выйти, убедиться, что шатуны скрылись из виду, сонливость вынудила его переменить решение. Лучше не рисковать. Он разбудил Еву. Иван тормозил ее несколько минут — она мало поспала, сон отпускал ее неохотно.

Он передал ей старые, до сих пор идущие часы, постучал по циферблату.

— Мне нужно поспать. Один час. Слышишь, Ева?

— Час?

— Да. Мы уйдем отсюда. На ночь здесь лучше не оставаться.

Она хотела что-то спросить, но промолчала.

— Разбудишь меня через час. Ни минуты больше.

Она коснулась губами его щеки.

— Спи, не волнуйся. Мог и не говорить ничего. Ты все время твердишь: ни минуты больше.

Она гладила его руку, дрема подхватила его сознание.

Откуда у них эта потребность во сне?

Сосед Ивана, работник какого-то НИИ, который находился в той же группе, где Иван и Ева пережили Великий Холод, высказал предположение, что именно из-за длительного бездействия, ожидания и стресса у человека в организме произошли определенные изменения. Сколько длился Великий Холод, точно не знал никто. Не было ни весны, ни лета, одна бесконечная зима. Даже ночь не сменялась днем. Был лишь один способ бороться с этим — как можно больше спать.

Засыпая, Иван вздрагивал. Он снова переживал тот момент, когда однажды проснулся от сильного подземного толчка. Ева — она уже не спала — смотрела на него расширенными глазами и не могла говорить. Казалось, где-то глубоко под землей взорвали самую гигантскую

бомбу во Вселенной. Но разрушений не было, это казалось противоестественным.

Великий Холод пришел, когда первоначальная паника сходила на нет. Дальше небольшого шока и локальных беспорядков дело не пошло. Холод ударил внезапно, и все-таки какие-то часы — пока температуры не стали зашкаливать ниже всех мыслимых пределов — у людей были. Другой вопрос, что мало кто понимал, куда бежать, какое убежище надежней и как быстро его надо достичь, чтобы не оказаться отрезанным от последнего призрачного шанса.

Ивану и Еве повезло лишь потому, что они пошли на поводу у своих соседей. Те бежали к ближайшей станции метро, паника заразила Ивана и Еву. Так они оказались в числе спасенных, но кто знает, не лучше ли было умереть еще тогда?

Почему-то Ивану вспоминался и снился именно подземный толчок, бегство к метро при первом морозе посреди лета. Это был предел, разделивший Прежнюю Жизнь и нынешнее существование. То, что происходило в метро, превратилось во что-то смутное и неправдоподобное. Казалось, Иван слышал эту историю с чьих-то слов, историю неинтересную и потому плохо запомнившуюся. Сплошное ожидание и нервная, изматывающая дележка принесенных извне продуктов. К счастью, группа, где оказались Иван и Ева, избежала кровавых разборок. Мелкие стычки, без серьезных последствий, случались всего пару раз. Затем возникла еще одна проблема: они все чуть не умерли во сне. Каждый хотел спать, и они спали, спали, спали — так было легче, меньше хотелось есть, пить, меньше оставалось времени на раздумья и терзания. Вскоре они заснули все. Если бы не

случайность — разбитый спящим соседом нос, Иван не проснулся бы и не разбудил остальных. Дальше появилась еще одна причина для споров: дежурить одному или несколькими? Каждый хотел урвать себе лишние минуты сна, но как разделить дежурства поровну и проконтролировать, что все честно?

Когда появилась весть, что Холод ушел, и люди поднялись на поверхность, Иван и Ева прибились к новой группе. Ими двигала тщетная надежда, что где-то будет лучше, чем раньше. Вся их прежняя жизнь проходила под знаком принадлежности к какой-то группе, не так ли? Избавиться от этого оказалось непросто.

На поверхности были такие же растерянные люди, они наблюдали множество оттаивающих трупов и замерший технический мир. Без человеческого фактора все превратилось бы в ненужный хлам даже без последствий от низких температур. В новых условиях группы напоминали скорее стаи, беспредел явил себя быстро. Иван и Ева отбились от своей группы, едва не став жертвами. Окружающая действительность лишь подтверждала, что отныне по доброй воле люди не создадут сообществ, они разобьются на пары или мелкие группы. Сколько это продлится, неизвестно, но теперь никто и не планировал на годы или месяцы вперед.

Иван и Ева были вместе изначально. Молодожены, общие интересы, на мир смотрят одинаково, психологическая и сексуальная совместимость. Но любой из этих факторов давно превратился в набор слов, важным было лишь осознание факта, что поодиночке их ждет смерть. Все остальное — интересы и взгляды — превратилось в вещи, что остались в брошенной квартире. Они бы не помешали, но их нет, и лучше не терзаться, забыть о них навсегда.

Иван медлил, не желая оставлять Еву одну даже ненадолго.

Она выглядела такой незащищенной. Бодрствующая, она казалась девчонкой, которую легко обидеть. Худая, голенастая, небольшая грудь, удлинённый, неправильной формы подбородок, большие глаза. Волосы грязные — только ради этого надо устроить ей ванну в ближайшее время. Ее никак не назовешь шикарной, но для Ивана она была родная — это перевешивало многое другое. Кроме того, понятие женской красоты теперь стало иным.

Иван оглядел себя. Застиранные джинсы, старая клетчатая рубашка, доживающие свой век ботинки. Лица своего он не видел давно, но, судя по всему, последний год внешности его не улучшил. Чтобы меньше возиться с гигиеной, Ева брила ему волосы на голове и вполне серьезно планировала делать то же с собой. Пока Иван ее отговаривал, но с каждым разом все с большим трудом.

Он подходил к двери, когда Ева повернулась во сне, легла на спину, раскинув руки. Иван замер, вернулся, присел на корточки. Он потрогал ее живот. Он казался еще более выпуклым, чем раньше. Его уже можно рассмотреть под одеждой.

И как Иван не заметил этого до признания Евы?

Пять недель назад Ева впервые сказала, что вроде бы беременна. Вроде бы! Иван лишь усмехнулся. Во время Великого Холода пронесся слух, что дети больше не рождаются. Это казалось естественным — какие дети в такое время? Время шло, женщины не беременели. Маленьких детей уже не осталось. Выжившие выросли. И это не выглядело странным и зловещим катаклизмом. На кого рожать новое поколение? Кто стал бы родителем в здравом уме?

Когда спустя неделю Ева подтвердила собственный диагноз, признавшись, что месячных нет более трех месяцев, но она сама долго не верила в истинную причину, Иван не знал, радоваться ему или горевать. Он решил не заглядывать так далеко, постарался об этом забыть.

Но живот напоминал о себе. Иван погладил его, нехотя поднялся и вышел из здания. Он вытянул из-за пояса топор, перехватил поудобней. Далеко он не пойдет. Надо убедиться, что в нужном направлении тихо, безлюдно. Из города лучше уйти на рассвете. Если ночь застанет в пути к другому населенному пункту, есть риск стать жертвой собак. Неужто раньше они были друзьями человека? Сейчас собаки превратились в самодостаточную массу. Они размножились, чтобы пожирать самих себя. Если рядом не было иных существ. Именно из-за собак, не только из-за крыс, люди не могли оставаться на одном месте подолгу.

Вечером из города выходить нельзя. Надо найти новое пристанище. Менее приметное и простенькое. Можно устроить там склад консервов. На всякий случай. Они с Евой уже возвращались туда, откуда, казалось, уходили навсегда. Все, что нашлось в магазине, с собой не унесешь, и смысл оставить тайник с припасами есть.

Насколько все было бы проще, будь у них возможность осесть на одном месте! Не надо постоянно куда-то идти, можно сделать запасы продуктов и необходимых вещей, многие из которых не возьмешь с собой в путь. Но это нереально. Сидеть на одном месте еще опасней, чем куда-то идти. Собачьи стаи все чаще появляются в городах. Если они учуют человека даже в большом многоквартирном доме, можно не сомневаться — кольцо оцепления обеспечено. Не помогут ни разные выхо-

ды, ни этажи. Но даже не будь собак, не дадут жить крысы. Сначала появится одна, затем с десяток, а после, если человек по-прежнему будет находиться в этом месте, они полезут сотнями, обнаглев, не обращая внимания, что кто-то убивает их сородичей. Всех не убьешь, и каждая гадина рассчитывает на собственную удачу. Своих тоже можно жрать, если не перепадет с человеческого стола.

Иван шел медленно, часто останавливался, оглядываясь, прислушиваясь к тишине. Заходящее солнце грело ему спину. Он ориентировался, что они выйдут из города в восточном направлении. Значения это не имело, но всегда приятно начинать переход, когда солнце светит в лицо. Они постепенно шли из родных мест на юго-восток: день начинался с того, что они двигались навстречу солнцу, оно незаметно смещалось, и люди вместе с ним смещались в южную сторону. Ева однажды заметила, что ощущает эту странную потребность — как можно чаще подставлять лицо солнцу.

Подумав о Еве, Иван улыбнулся. Человек в силах привыкнуть к чему угодно. Вот и Иван привык. Сколько было раньше терзаний по мелочам в Прежней Жизни? Сейчас все страхи и тревоги направлены на то, чтобы выжить, чтобы Ева была сыта, достаточно поспала, чтобы ее не жгла та же тоска, что иногда не дает покоя Ивану. Страхи и тревоги растворяются в этой беготне наперегонки со смертью. Временами Ивану казалось, что все не так плохо, он никогда не забывал, что всегда может быть хуже. Когда ему довелось видеть, как падает в забытых шатун, чтобы вскоре умереть, Иван понял, что не имеет права жаловаться ни на что.

На широком перекрестке Иван задержался. Дальше он идти не собирался — помнил, что Ева спит и беззащит-

на. Пристанище нужно искать до этого перекрестка, чтобы недалеко носить консервы. Его внимание привлекло трехэтажное кирпичное здание. Похоже на супермаркет в Прежней Жизни. Облезлое, с дырявой крышей, но выглядит крепким, кое-где в окнах даже уцелели стекла! Там наверняка есть несколько выходов и масса мелких подсобных помещений. Можно оборудовать тайник, устроиться самим. Возможно, они с Евой уйдут не завтра, через день-два. Надо отдохнуть, пока есть возможность, никогда не знаешь, что ждет впереди. Собачьих следов нигде не видно, нет признаков присутствия банд, которые ищут рабов. В этом городе вообще минимум признаков того, в какую помойную яму превратился мир.

До возвращения нужно заглянуть в супермаркет. Иван повернулся, что-то на асфальте впереди привлекло его внимание. Он приблизился. Это был какой-то знак и надпись мелом, разобрать мешали многочисленные трещины на асфальте. Иван пригнулся.

Жирная неровная стрелка указывала в восточном направлении.

Рядом была надпись корявыми буквами: «ИДИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ».

2

Необратимость

Грэг оскалился. Он наблюдал за этой парочкой с утра, но они никак не могли определиться с временным пристанищем. Они бродили по городу, время шло, и Грэг чувствовал, что сонливость стучится к нему все настойчивей.

Он напал бы на них давно, его не пугал крупный мужчина, но Грэг понимал: реакция женщины, на глазах которой погиб ее партнер, непредсказуема. Куда проще добиться ее союза, действуя по первоначальному плану. Для этого Грэгу нужно дождаться, когда женщина уснет.

Он выругался — у него слабели ноги. Все сложнее следить, используя частые короткие перебежки. Грэг знал, что в городе находится стая собак — видел собачий кал. Твари, раз уж они заявили в город, наверняка бродят, прочесывая квартал за кварталом. Остается надежда, что их задержит кто-то другой, прежде чем они наткнутся на эту парочку, которая была для Грэга последним шансом.

Парочка остановилась перед двухэтажным зданием с зияющей пастью пустого дверного проема. В Прежней Жизни это мог быть жилой дом, почта или какой-нибудь развлекательный центр. Мужчина заглянул внутрь, женщина осталась снаружи. Она оглядывалась, но Грэг был спокоен — успел занять хорошую позицию в кустарнике, наискосок от потенциального прибежища парочки. Наконец-то! В предвкушении спасения Грэг посмотрел на эту женщину как мужчина. До этого он даже не думал об этом.

Темная, чуть крупновата, фигура красивая. И лицо привлекательное.

Его глаза закрылись, и Грэг вскочил, рискуя обнаружить себя, ущипнул бедро, сдавил сосок на груди. Его качнуло. Время для него истекало.

Партнер брюнетки вышел, они о чем-то поговорили и... двинулись дальше. Проклятье! Грэг едва не заорал на них. Они шли, разглядывая здания, мужчина постоянно оглядывался, и Грэг не рискнул покидать укрытие. Днем он уже терял их из виду, но он был не такой сонный, силенок было побольше. Тогда он их быстро нашел.

Ему захотелось позвать их, попытать счастья стать третьим. Он с трудом удержался. Нет! Они его не примут. Он практически шатун, таких все опасаются. И зачем он им? Кто знает, что у него на уме? Вдруг он подослан бандой? Нет, они не рискнут, и Грэг упустит свой последний призрачный шанс. Скоро он перестанет соображать, и все будет кончено. Надежда таяла, но все-таки была.

Грэг собирался выскочить из кустарника, перебежать улицу, когда парочка остановилась, о чем-то посоветовалась. Грэг пригнулся. Он щипал себя, ему хотелось кричать от боли.

Парочка вернулась назад, остановилась у двухэтажного здания. Оба рассматривали дом и не говорили ни слова. Грэг почувствовал ликование. Скоро, очень скоро кто-то из них заснет, и, скорее всего, это будет женщина. Если повезет не на все сто, заснет мужчина, и брюнетка останется рядом, он убьет ее. Жаль, но выбора нет. Главное — жизнь, секс — лишь дополнение. Без которого можно обойтись.

Грэг уже существовал в паре с женщиной. Аркадию было лет под пятьдесят, он страдал одышкой, и у Грэга было много возни и споров с партнером, но Грэг засыпал, будучи уверенным, что проснется. После вечно потеющего и быстро устающего Аркадия партнер брюнетки — вполне приемлемый вариант. Грэг смотрел на застывшую парочку, и перед глазами было красное, в слезах лицо Аркадия. Этот кретин умудрился сломать ногу на ровном месте, кость торчала наружу, за ним тянулся кровавый след, сам Аркадий причитал, умоляя Грэга помочь ему. Что можно было сделать? Сколько прошло бы недель, прежде чем Аркадий смог бы ходить? В его состоянии спать нужно было еще дольше, и однажды — Грэг

был в этом уверен — Аркадий заснул бы до того, как разбудить напарника.

И Грэг оставил его. Аркадий вопил, умолял, угрожал, но в реальности Грэг был в такой же безвыходной ситуации. Ему просто повезло, что он наткнулся на брюнетку с партнером. Да, сначала ему повезло, что Аркадий вообще вернулся — дополз до Грэга, вырвал его из сна-смерти. Он мог потерять сознание от болевого шока или ослабнуть, и Грэг бы спал, не зная, что больше не проснется. И на том спасибо.

Парочка почему-то медлила, Грэгом вновь овладела паника. Какого черта? Сколько можно выбирать? Его уже трясло, тело требовало сна, и Грэг понял, что ясным сознание останется не дольше получаса.

Партнер брюнетки осмотрел улицу, обнял женщину за талию, потянул к дверному проему. Они вошли внутрь.

Грэг тяжело дышал и боялся пошевелиться, как если бы это было плохой приметой и могло вспугнуть парочку. Чтобы глаза не закрывались, он до крови кусал язык. Пока боль отгоняла сон. Но не страх — каждую секунду Грэгу мерещилось, что из дверного проема выходят две фигуры.

Минуты, медленно умирая, вонзались в тело порциями снотворного. Грэг не выдержал — теперь сон могло побороть только движение — и вышел из укрытия, опираясь на палку, побрел через дорогу к зданию.

Хуже всего, если мужчина брюнетки решил сидеть внутри, никуда не выходить, да еще следить за улицей.

Грэг приблизился к углу здания, когда из дверного проема появился мужчина. Грэг замер. Он хотел податься вправо, чтобы его скрыл угол, но опоздал — мужчина его заметил. Они стояли, смотрели друг другу в глаза, их

разделяло шагов десять, никто не шевелился. Противник вдруг показался Грэгу шире, выше, гораздо мощнее, чем на расстоянии. Даже не будь Грэг измотан, вопрос, одолеет ли он мужчину, был спорным. Противник напрягся, готовый отступить под защиту здания, внезапное нападение невозможно.

Грэг, пошатнувшись, повалился на землю. Это вышло само собой, здесь было и отчаяние, и изможденность, и надежда, что его состояние вызовет сострадание и, глядишь, его просто возьмут третьим, и, конечно, мысль, что это единственный способ заманить противника в ловушку. Грэг дернулся пару раз, застонал, что-то невнятно причитая, и затих. Палку из правой руки он не выпустил.

Он лежал, понимая, что с закрытыми глазами, не шевелясь, он выдержит минуту-две. Невероятным усилием воли он подавил желание повернуть голову и посмотреть, что делает партнер брюнетки.

Легкий шорох шагов. Мужчина приближался медленно, осторожно, но усилия Грэга дали результат. Теперь он для противника неопасен, он в отключке, это даже не шатун, от которого не знаешь, чего ждать. Теперь, когда Грэг не отличается от трупа, если принять его одиночество, он — законная добыча бодрствующих. Кто знает, что у него в карманах? Пройти мимо и не проверить может лишь глупец.

Партнер брюнетки глупцом не был. Он подошел к Грэгу, потрогал его плечо носком ботинка. Пнул сильнее, склонился.

— Эй!

Голос был каким-то странным, невнятным. Грэг понял, что засыпает. Не осталось времени, чтобы чуть-чуть выждать и действовать наверняка.

С криком Грэг ударил противника палкой по голове. Вскинулся и снова ударил, на этот раз сильнее. Шокированный, противник застонал, хватаясь за голову. Грэг, не останавливаясь, нанес пять ударов, пока мужчина не повалился на землю. Грэг бил еще трижды, вкладывая всю силу.

Мужчина затих, глаза смотрели куда-то в сторону, вокруг головы темно-бордовым нимбом растекалась кровь. Грэг, пошатываясь, всмотрелся в его лицо, попятился. Захотелось прилечь на минуту, нет, на пару секунд, потребность была ужасающей, Грэг даже опустился на корточки, разглядывая землю. С усилием он поднялся. Ему показалось, что он все равно не дойдет, но нужно еще разбудить брюнетку, сказать ей пару слов, обязательно что-то сказать, иначе она поймет, что он прикончил ее партнера.

Грэг сжал зубы и, глядя на дверной проем здания, двинулся вперед, почти не шатаясь.

Грэг тряс брюнетку, глаза его закрывались, некоторые слова получались невнятными. Она просыпалась медленно. Неудивительно — спала она недолго.

Она открыла глаза, несколько секунд смотрела на него, не узнавая.

— Виктор?

Грэг убрал с ее плеча руку, отступил на шаг. Сейчас главное, чтобы в его движениях не было агрессии.

— Мне надо... поспать...

Брюнетка увидела, что это не Виктор. Она вскочила, ее вопль прозвучал, как удар. Грэг, пошатнувшись, отошел еще на пару шагов. Брюнетка метнулась к выходу, но неуклюже, оступилась, с трудом удержала равновесие.

— Виктор!

Грэг сел на пол, стоять было свыше его сил.

— Не выходи! Его убили... Не выходи, они еще не ушли.

Брюнетка выскочила из здания. Застонав от боли в прокушенной губе, Грэг поднялся, проковылял к выходу.

Брюнетка металась по улице и звала Виктора. Грэг оперся о дверной косяк, напрягся, чтобы его голос можно было услышать.

— Останься со мной! Прошу... Твоего мужа больше нет... Не уходи!

Она заметила тело Виктора, бросилась к нему.

Грэг помедлил, убрал руку от дверного косяка, шагнул вперед, направляясь к своей черноволосой надежде на продолжение жизни. Она причитала над телом, трясла его. Грэг остановился, на ходу он уже не мог говорить.

— Оставь его! Прячься... или нас заметят.

— Ты убил его!

Грэг мотнул головой, это движение едва не вынудило его повалиться.

— Это не я... Я не убивал... Прячься!

— Убийца!

Вытянув руки перед собой, Грэг пошел к ней. Он не смог бы с ней справиться, но в теперешнем состоянии брюнетка этого не понимала. Она вскочила, попяtilась.

— Не подходи ко мне! Ты убил его, сволочь!

— Это не я! Я хочу спать... Не уходи.

— За что ты его убил?

Грэг хотел сказать еще пару слов, но сознание помутнело, все стало безразличным. Он повернулся влево, как будто выбирая место, хотя в реальности не осознавал, что делает. Он заснул до того, как грузно повалился в траву возле тротуара и свернулся калачиком.

Черноволосая застыла, глядя на него. Она переводила взгляд с мертвого мужа на спящего незнакомца, и уверенность, что он был убийцей, пошатнулась. Вернее, это показалось неважным.

Важным стало то, что она одна — одиночество показалось упавшей на голову крышей. И хотя поблизости спал незнакомец, еще живой, в отличие от мужа, брюнетка не была уверена, что даже в самый последний момент у нее хватит духу подойти и разбудить его.

Она опустила на землю, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

3

Фатум

Иван придержал Еву за локоть.

— Смотри. Вот здесь.

Они остановились на перекрестке, он указал ей на знак и надпись.

Ева долго рассматривала буквы и стрелку. Иван тронул ее за руку. Она покосилась на него.

— Что это?

— Не знаю... Кто-то оставил. И не так давно. Пару дождей — и все бы смыло. Свежая надпись.

Ева осмотрелась, на лице беспокойство.

— Где мы ночуем?

Он указал на трехэтажное кирпичное здание.

— Здесь. Я уже проверил. Есть пара отличных мест.

Пошли.

— А консервы? Мы же мало взяли.

Иван глянул на небо. Солнце висело над горизонтом.

— Знаешь... я хотел проверить, нет ли поблизости еще таких знаков...

Ева заглянула ему в глаза.

— Зачем?

— Хочу узнать, куда они ведут.

— Ты же сам сказал, что мы уйдем из этого города.

— Сказал. Но... мало ли что это за стрелки. Мы же никуда не спешим.

— Хорошо. Но скоро стемнеет. Ты хотел устроить тайник для еды.

Он повернулся, потянул ее за собой.

— Ладно. Две ходки сделаем. Завтра, как рассветет, я поищу знаки.

В сумерках они принесли вторую партию консервов. Иван сложил их в тайник в небольшом служебном помещении, где вряд ли бы кто-то решил разместиться на ночь — неудобно и выход всего один, замаскировал по мере возможности. Вдвоем они заняли просторное помещение на третьем этаже, с несколькими выходами. Отсюда просматривалась улица, подступы к центральному входу.

Они перекусили и, прижавшись друг к другу поблизости от окна, смотрели на небо. Разговор Ивана крутился вокруг знаков, но Еве это не нравилось, она не поддерживала беседу, и он решил, что один из них должен лечь спать. Первым заснул Иван. После полуночи Ева разбудила его, незадолго до рассвета они вновь сменили друг друга.

Рассвело. Иван, разбуженный Евой, какое-то время любовался ею, прислушиваясь к тишине, накрыл жену, чтобы при появлении постороннего она не сразу бы оказалась в его поле зрения, вышел.

Он торопливо перемещался по близлежащим улицам, выискивая надписи мелом, как стая собак, взяв-

шая след человека. Он отгонял вопрос, зачем ищет эти знаки, понимал, что из города им все равно лучше уйти. Иван знал, почему вчера Ева не хотела обсуждать эту тему. Здесь было два варианта. Либо кто-то заманивает простаков, используя слово «ВЫЖИТЬ», либо какая-то группа людей действительно налаживала нормальное сосуществование.

В последнее верилось с трудом. Точнее, не верилось абсолютно. Слишком много «но». И самое главное из них — Иван с Евой лично убедились, чем заканчивается коллективное сосуществование в мире после Прежней Жизни. Даже если главные в группе — достойные люди, даже если у них лишь благие намерения, многие мелочи дают о себе знать, превращаясь в мелкие трещины в борту общего корабля. Результат один. И все-таки странная, нелогичная надежда куда-то толкала, противиться ей было сложно.

Иван вспомнил, как однажды определил для себя отличие между полами, будь то человек или животное. Речь шла об опытах с мышатами. Самцы норовили протиснуться в какую-то щель, где их ждала смерть в виде кота. Самочки никуда не лезли, довольствовались тем, что есть в загончике. С «женской» логикой спорить тяжело.

Вряд ли Ева довольна жизнью, но у них была хоть какая-то стабильность, плюс ее беременность. Ева не хотела никаких экспериментов, и он ее понимал. Всегда может быть еще хуже. Надеяться на лучшее... Надеяться можно, но лучше не предпринимать ничего, что не несет никаких гарантий. В противном случае можно уподобиться тем самым мышатам-самцам.

Иван заметил, как впереди расступаются высотные дома и улица уходит в одноэтажное предместье. Мост че-

рез железнодорожные пути, по краям два высоких дерева, как два вышибалы на выходе, и все — через несколько кварталов города нет.

Иван заколебался, оглянувшись. Знаков больше нигде не было. Он все исходил в этой части города. Если тот, кто оставлял знаки, стремился, чтобы их увидели, Иван не мог их не заметить. Мелькнуло едва уловимое разочарование, но облегчение тоже было: теперь не надо терзаться, спорить с Евой, гнать от себя страх ошибки.

Иван прошел к мосту, чтобы убедиться, что он не разрушен и они смогут перейти. За горизонтом, куда стремилась лента железной дороги, показался краешек солнца. Мост был в порядке.

Посреди моста кто-то начертил мелом стрелку. Она указывала на восток.

Они оставили мост и знак на нем позади, но продвигались медленно. Город не заканчивался, не желая выпустить их из своего чрева. Иван смотрел под ноги, и Ева замечала эти взгляды.

— Ищешь знаки?

— Просто смотрю... — он помолчал. — Я вот думаю, не поздно ли выходить из города? Скоро полдень...

— Останемся здесь еще на одну ночь?

— Похоже на то. Городок немаленький.

— Как он назывался раньше? Ты мог бы догадаться?

Иван покосился на нее. Ева впервые заинтересовалась названием города. Прежде это не имело смысла, что изменилось сейчас?

— Не знаешь? — спросила Ева.

— Здесь несколько зданий, похожих на институты. Курган, несколько памятников, тот же всадник и гус-

ляр — такого в мелких городах не строят. Плюс река, достаточно широкая.

— И что?

— Ту реку, что была Днепром, мы прошли... уже пару недель будет, если не месяц. Это не Гомель. Брянск или Орел. Или Курск. Не помню, в Курске есть река? Если и есть, не такая широкая. В Орле Ока. В Брянске — Десна. Но если это Орел, значит, мы где-то перешли бы Десну... — он помолчал. — Или Десна в верхнем течении узкая и мы ее не запомнили?

— Брянск или Орел?

— Скорее всего, Брянск.

— Иван, если не уходим из города, давай остановимся где-нибудь пораньше? Все равно окраина близко.

Резкая смена разговора вызвала у Ивана заминку.

— Сейчас что-нибудь найдем. Устала?

Ева хотела ответить, но ее взгляд застыл. Иван глянул на нее, покосился по сторонам. Несколько долгих секунд он искал причину такой реакции.

— Что?

— Ты слышал?

— В чем дело, Ева?

— Кажется... выла собака. Может, ошибаюсь... но что-то я слышала.

Когда вокруг тишина, перепутать один звук с другим невозможно. Но оглушающая тишина порождает иллюзии. Особенно если человек чего-то боится. Иван ничего не слышал, надеялся, что Ева ошиблась, но решил подстраховаться.

— Пойдем. Быстрее...

Они прошли мимо двух домов, пересекли несколько захламленных участков, которые когда-то были задними

дворами, вышли на соседнюю улицу. Иван держал Еву за руку, она едва поспевала за ним. Они снова углубились в участки, вышли на параллельную улицу, резко изменили направление, двинулись назад.

Иван остановился, снял рюкзак, покопался внутри.

— На всякий случай... оставлю подарочек. Самую малость.

Он достал небольшой пакетик, раскрыл его, взял щепотку молотого перца, бросил на дорогу.

— Давай пробежимся.

Через два квартала, запыхавшиеся, они остановились. Иван прижал Еву к себе, она положила голову ему на плечо.

— Молодец. Бегаешь быстрее меня.

— Да уж... Мне сейчас только бегом заниматься.

— Прости. Зато они нас уже не достанут.

Полной уверенности не было, но стало спокойней, хотя присутствие в городе собак — мрачный, опасный факт. Иван и Ева тем более не могли покинуть город сейчас. За его пределами шансы выжить станут минимальными, если стая покинет город в том же направлении и возьмет след. Иван указал на здание без входной двери на противоположной стороне улицы, Ева кивнула, вдвоем они направились через дорогу.

Когда они выходили на тротуар, оба увидели в оконном проеме мелькнувшую тень. Ева подалась назад, Иван выхватил топор, закрывая собой жену.

Два разных страха играли в перетягивание каната: Анна не подходила к спящему незнакомцу, но и не уходила прочь оттуда, где рядом со спящим находился труп ее мужа.

Она знала, что в одиночестве обречена, но была уверена, что не заставит себя разбудить человека, который, судя по всему, убил ее мужа. Есть шанс, что незнакомец сказал правду и Виктора убил кто-то другой. Но даже в этом случае Анна не могла смириться с тем, что дальше ее жизнь станет общей с жизнью незнакомого человека. Сейчас совместное сосуществование предполагало такое переплетение чувств, интересов, времяпрепровождения, что никакой Прежней Жизни было не под силу настолько тесно соединять людей.

После полудня появились первые признаки сонливости. Анна удивилась: из-за горя сон казался невыносимым. Время шло, потребность усиливалась, нарастала. Они с Виктором бродили долгие часы, прежде чем Анна уснула в новом убежище, но спала она от силы полчаса и теперь на собственном опыте убеждалась, что человек со всеми своими идеалами, заявлениями и стремлением — горсть праха, не больше.

Обычная физическая потребность, приправленная осознанием того, что без посторонней помощи все это закончится смертью, приглушила боль от смерти мужа, страх от присутствия незнакомца и понимания, что он — единственная надежда выжить. С каждой минутой тускнело неприятие того крайнего варианта, на который Анна могла рассчитывать.

Как ни странно, страх и горечь от того, как блекнет в ее глазах факт смерти мужа, породили последний всплеск упрямства: Анна пошла прочь, отгоняя все здравые мысли. Она шла, будто толкала сама себя, но преодолела всего пару кварталов. Жить хотелось сильнее, нежели следовать неким принципам, слабеющим с каждой минутой. Подавленная, вытирая слезы, она вернулась

и долго смотрела на спящего незнакомца (убийцу мужа?). Анна несколько раз порывалась его разбудить и отойти, чтобы он не мог схватить ее, если у него были такие планы. Принять, что он так же нуждается в ней, как и она в нем, что причинение вреда Анне для него равносильно причинению вреда самому себе, было тяжело.

Анна так и не прикоснулась к незнакомцу, хотя примирилась с мыслью, что это неизбежно, как восход солнца. Она решила, что сделает это в самый последний момент, когда терпеть станет невозможно. Анна не тешила себя надеждой, что ее ситуация изменится — она может поменять этого незнакомца на другого, и только. Но что-то не пускало ее совершить то, что подсказывал ей здравый смысл и чему единственной альтернативой была бы смерть.

К началу следующего дня сон одурманил ее, но Анна еще сопротивлялась. Ее упрямство было направлено в другую сторону: оттянуть неизбежное как можно дальше, а не бороться с ним. Чтобы не заснуть, она ходила вокруг спящего, несколько раз заглядывала внутрь здания, которое отыскал Виктор. Так она отвлекалась, отвоевывала у сна очередные несколько минут.

Внезапно ей послышался какой-то звук. Снаружи. Она выглянула в окно и заметила пару — мужчину и женщину. Эффект был такой, что Анна хотела закричать, но не смогла, так ее переполнили эмоции. Она рванула наружу.

Пара наверняка не нуждалась в ней, как нуждался бы одинокий человек, но Анна этого не осознавала. Для нее пара была желанней, чем еще один незнакомец, пусть даже не имеющий отношения к смерти Виктора. Пара казалась Анне гарантией жизни, гарантией того, что ее не обидят, защитят, а то, что ее могут просто использовать

по своему усмотрению, чего не сделал бы одиночка, в голову ей не пришло.

Выбежав, Анна едва не споткнулась. Она расставила руки, неловко, как ребенок, лицо ее растянулось в улыбке сумасшедшего.

— Спасите! У меня мужа убили... я одна.

Женщина, напуганная ее резким появлением, стояла позади мужчины, тот держал поднятым топор с длинной рукоятью. Оба молчали и следили за каждым движением Анны.

— Не оставляйте меня... с ним.

Она указала на спящего, и мужчина с женщиной заметили его.

— Он сказал, что не убивал, что моего Витю убили другие... Но вокруг никого не было... Мне страшно... Не бросайте меня... возьмите с собой.

Анна споткнулась, повалилась вперед, попыталась встать, но сил не осталось — последняя энергия уходила на то, чтобы внятно говорить. Она встала на четвереньки, поползла, задрав голову, глядя на мужчину с топором, на женщину.

Она выглядела жалкой, никчемной, но не отталкивающей. Если бы не мутнеющее сознание, Анна заметила бы в глазах женщины сострадание. Она бы заметила, что мужчина с топором растерян. Это придало бы ей сил.

Анна этого не видела — сон все-таки одолел ее, и она завалилась на тротуаре.

Тишину улицы нарушало дыхание двух спящих людей. Иван и Ева переглянулись, но какое-то время еще стояли, разглядывая брюнетку и мужчину с курчавыми рыжеватыми волосами. Иван не знал, как быть. Он чувствовал,

что и Ева в тупике. Этого они не ожидали и раньше не заговаривали о том, как быть в таких вот ситуациях.

Если они уйдут, спящие погибнут. Взять с собой? И к чему это приведет? Третий человек, возможно, мог быть полезен, во всяком случае, в ближайшем будущем они с Евой могли бы подыскать ему пару, но выбрать одну женщину казалось каким-то половинчатым кощунством. Брать с собой обоих, это группа. Какие у них сложатся отношения? Кто будет принимать окончательные решения? Если именно рыжеволосый убил мужа брюнетки? Прояснить что-то можно, лишь разбудив обоих. И все равно: что Иван и Ева узнают? Это не расследование в Прежней Жизни, свидетелей нет и не будет, как и детектора лжи, как и возможности найти, изучить улики.

Ева посмотрела на Ивана.

— Что делать?

Он покачал головой.

— Черт его знает... Пройти мимо... Как-то не по себе от этого.

— Они погибнут.

— И я о том же.

Прежде встреченные в пути оказывались либо шатунами, либо представляли опасность, пусть лишь по причине того, что сами ожидали от встречных агрессии. Брюнетка просила помощи, умоляла их, и такое случилось с Иваном и Евой впервые. Несмотря на свой жалкий, потрепанный вид, она выглядела миловидной, неагрессивной, она не дошла до стадии шатуна и не представляла никакой опасности.

Ева подошла к брюнетке.

— Мы не можем их бросить.

— Лучше всего попозже их разбудить... и отправить вместе. Сделаем доброе дело, разойдемся красиво. Как тебе?

Ева кивнула.

— Им же надо поспать?

— Конечно. Больше сна — меньше проблем.

— Затянем их в дом.

Брюнетку перенесли легко. С рыжеволосым помучились: грузный. Иван не позволил Еве напрягаться, потащил мужчину сам, Ева только помогла преодолеть порог. Они положили брюнетку и рыжеволосого в разных концах помещения, какое-то время стояли и рассматривали их. Иван и Ева успели отвыкнуть от людей, и теперь, вблизи, незнакомцы вызывали у них непонятные, смешанные чувства.

— Иван, если он действительно убил ее мужа?

Иван пожал плечами. Могло быть как угодно.

— Выясним, когда разбудим. Кто-то должен поспать.

Давай я.

— Давай.

— Только два часа. Тебе нельзя перенапрягаться.

— За два часа не перенапрягусь. Ложись.

— Буди, если что.

— Ложись, ложись. Спокойного сна.

4

Пробуждение

За окнами их пристанища дышала ночь. Выходила луна, тьма слабела.

В карманах рыжеволосого ничего особенного не было. У него даже сумки или котомки не оказалось. У брю-

нетки нашелся рюкзак, все-таки она странствовала в паре с мужчиной.

Версия про убийство показалась Ивану правдоподобной. Рыжеволосый — кандидат в шатуны. Увидев пару, он мог позариться на этот шанс — заменить мужчину брюнетки. Лучше этим голову не забивать. Для них с Евой это не столь важно. Разбудив их, Иван будет осторожен, вместе они проведут минимум времени. Здравствуйте, вставайте, спасибо, не надо благодарностей, теперь не в обиду — аста ла виста, ребятки. И все.

Куда важнее не наделать ошибок, не столкнуться с собаками, спокойно покинуть город. Но идти на разведку — и оставить свой запах там, где сейчас его нет — риск привести собак к пристанищу. Плюс уговор с Евой, что Иван бодрствует от силы три часа, после чего выспится.

Нужно было занять время, луна заглянула в оконные проемы, и он испытал импульс. Иван достал из вещмешка твердые краски, выбрал левую от окна стену, так как она освещалась лучше всего, подошел. Какое-то время он смотрел перед собой, будто сомневался, не зря ли все это затеял. Последний такой порыв был месяца два назад, Иван подумывал, что больше писать картины на стенах ему не захочется. Но он ошибся.

В Прежней Жизни он только начинал и был настроен зарабатывать картинами, пусть не громадные деньги, хотя бы такие, чтобы назвать себя профессионалом. Сейчас он не помнил, к какому направлению и стилю относил собственные работы, к какому их относили специалисты или коллеги. Не считая того, что теперь он не мог использовать холст, бумагу или дерево, писание картин было неким ирреальным выбросом. Теперь не имело смысла что-то продумывать, предугадывать, что ска-

жут критики, просчитывать воздействие на зрителя, беспокоиться, как быстро творение будет продано.

И самое главное — теперь не имело смысла доказывать что-то самому себе! Не секрет, что ни критики, ни зрители, ни кто бы то ни было не имеет такого влияния на творца, как он сам. Нечто внутри требует, требует, требует. Даже если человек убеждает себя, что ему ничего не надо, все равно хочется добиться чего-то важного. И что бы ни было в жизни Ивана сейчас, после Великой Катастрофы, один заметный плюс имелся: он брался за картину лишь потому, что не мог не дать жизнь очередному творению. Быть может, и в Прежней Жизни было нечто похожее, но сейчас все его действия были напрочь лишены наслоений и условностей. Его даже не интересовало мнение Евы, его женщины, его единственного друга, единственного потенциального зрителя. Ивану было достаточно ее поцелуя, когда она видела картину, и то, что она по долгу любовалась ею. А слова... слова казались лишними.

Выбор красок у Ивана был скромным, не было даже всех цветов радуги, с другой стороны, нынешний мир обходился без множества красок, и показывать нечто слишком ярко было бы фальшью.

Иван начал с опаской, но постепенно так погрузился в работу, что вряд ли осознавал, что делает. При этом он замечал любой шорох снаружи, но анализ собственного труда был ему недоступен. Его несло по течению, он отдавался ему все больше и больше, все, как и раньше.

Перед взором встало одно из лиц Прежней Жизни. Имя этого человека стерлось у Ивана из памяти, он лишь помнил, что это школьный учитель рисования. Однажды учитель сказал незначительную фразу, которая в тот момент была непонятной, но сейчас всплыла в памяти Ива-

на — по-видимому, лежала там подобно зернышку, переживающему зиму, чтобы в нужный момент, уготованный Создателем, дать росток. Человек будет творить даже в самых немыслимых для жизни условиях, жизнь человеческая переплетена с творчеством так же, как с потребностью спать, есть и пить.

Вряд ли этот учитель рисования был пророком, но в отношении творчества не ошибся. Иван стал тому подтверждением.

Когда Иван закончил, он был вымотан так, что догадался: еще немного — и он не разбудит Еву. С усилием он отвел взгляд от стены, чтобы не отвлечься на оценку собственного творения, не потерять драгоценные минуты. Слабея, он разбудил Еву, глянул на часы — его вахта продлилась чуть больше двух часов.

— Прости, милая, больше не могу... не дотянул.

Она поцеловала его, не сказав ни слова.

Иван сидел на полу и созерцал на стене картину.

Когда Ева разбудила его, чтобы смениться, она ничего не сказала, только задержала взгляд на муже дольше обычного и подарила долгий поцелуй. Иван догадался, что она восхищена его новым творением.

Рассвело, нужно было выглянуть из здания, присмотреться, прислушаться, но Иван медлил — его внимание приковала картина, жутковатая и величественная одновременно. Ему ничто не мешало: снаружи — тишина, никаких признаков собак, жена, брюнетка и рыжеволосый спят. Впереди длинный день.

Фон картины был мрачным: главенствовали черный, темно-серый и темно-синий цвета. И на дальнем плане — зловеще-багровый. Основу занимало изображе-

ние какого-то участка или поля, где вперемешку лежали мусор, хлам, обломки какого-то строения, трупы, части тел человека и животных, сломанные кресты. Некоторые предметы не поддавались интерпретации. Все это усеивало изображаемое пространство на всю ширину, и лишь где-то на периферии багровели отсветы пламени. Там мог гореть город, извергаться вулкан или вообще полыхать весь мир. Но все эти отголоски и следы то ли конца света, то ли небывало жуткой, но все-таки локальной катастрофы бросались в глаза не сразу. Сперва внимание приковывала центральная часть картины.

Красный, четко выписанный цветок, напоминающий тюльпан. Он не занимал много места, но эффект был сродни огоньку в полумраке — лишь он приковывает взор. Сказать, что цветок красивый, было все равно что ничего не сказать. Он был прекрасен. Возможно, это впечатление усиливал жуткий фон, где рядом со стеблем виднелись пальцы отчлененной от тела руки, затылок то ли отрубленной головы, то ли заваленного землей трупа. Разрушение, смерть, обломки, трупы — все это порождало нить сравнения, а ведь человеческому сознанию неуютно в иных координатах. Именно небольшой объем цветка на картине еще больше усиливал контраст. Займи красные лепестки большую часть картины, и она бы что-то потеряла.

Вариантов понимания было множество. Цветок мог вырасти из хаоса смерти и разрушения — трупы и обломки как удобрение или катализатор для столь красочного создания. В этом случае напрашивалась идея, что Жизнь нельзя уничтожить даже Всемирной Катастрофой. Цветок мог остаться последним, что пощадили или не одолели смерть и бойня. В этом случае возникала мысль, что самое чистое и прекрасное становится наиболее устойчи-

вым против тлена. Цветок мог стать символом Возрождения, и тогда тот, кто не особо стесняется в своем философствовании, без труда мог прийти к мысли, что после Апокалипсиса, уничтожившего все бренное, унылое, посредственное, новую жизнь начнут воистину божественной красоты существа и растения. Правда, этот вариант умалчивал насчет людей — присоединятся они к Тюльпану и Компании или путь в новую эру им заказан?

Иван попытался отстраниться, понять, какие ассоциации картина вызывает у него. Его не смущало, что написал картину он и теперь пытается ее интерпретировать. Как сказал один его знакомый начинающий писатель из Прежней Жизни, он стремится стать первым читателем собственных книг, а не писателем. Нечто должно водить твоей рукой, а разум, эта заноза в Божественном существовании, отдыхать или, по крайней мере, не мешаться под ногами, извините, руками.

Иван никуда не спешил, прошло время, но он так и не смог выразить словами то, что видел. Все обозначения, четкие словесные определения казались ненастоящими, искусственными, и он вспомнил свое собственное мнение: истинная картина лишь теряет, если ее втиснуть в узкие рамки логических объяснений. Лучше полагаться на ощущения, но и с ними нужно осторожней.

Глядя на цветок, Ивану было тепло. Это напоминало, когда в холодную ветреную погоду находишь тихое место, где горит огонек. Тело замерзло, и огонек, тепло от которого вроде бы не может охватить сразу и спину, и грудь, и ноги, кажется обволакивающим тебя одеялом или комнатой с прогретым воздухом, где сквозь большие окна видна промозглая серость окружающей действительности, но ее вид лишь усугубляет эффект тепла, по-

рождает долгожданное успокоение, примиряет с тем, что в мире существуют не только приятные вещи и явления, вызывает странное умиротворенное равновесие в душе.

Иван ненадолго сосредоточился на отдельных деталях картины: отрубленная кисть руки, голова трупa, доска, торчащая из земли, которая испачкана то ли кровью, то ли какими-то выделениями умирающего человека. Мастерски прописанные детали не отталкивали, не вызывали рвотного рефлекса, казалось, красота цветка в глазах человека примиряла его с тем, что есть не только Прекрасное.

Вернувшись к действительности, Иван понял, что времени на разведку осталось немного. На пороге Иван прислушался к городу. Ничего, что наводило бы на мысли о стае собак, он не обнаружил. Все казалось обычным: тишина, отсутствие людей, полуразрушенные здания. Застывший мир не страдал комплексом однообразия.

Побродив по кварталу, Иван вернулся назад, перекусил, разбудил Еву. Она улыбнулась мужу, села и какое-то время смотрела на картину. Иван не хотел прерывать ее, а без договоренности лечь спать не решился.

Почувствовав его нетерпение, Ева посмотрела на него.

— Потрясно. Я горжусь, что это сделал мой муж.

Иван улыбнулся, но не нашел, что сказать. Банальное «спасибо» показалось nepозволительным.

— Жаль, что картину нельзя взять с собой.

— Я могу выломать часть стены, но вдруг мы сюда еще вернемся? Будет сквозняк.

Она засмеялась.

— Вставишь на место, — она помедлила. — Когда мы разбудим их?

— Давай я посплю. Потом ляжешь ты. Еще лучше разбудить их завтра утром.

Ева напряглась.

— Ты что-нибудь слышал?

— Нет. Но лучше рискнуть и обождать здесь, чем покидать город, пока не уверены, что собаки ушли.

— Хорошо. Тогда ложись.

Они уединились: Иван был с ней нежен, они долго не могли намиловаться, никто не желал спать, лишь далеко за полночь Ева задремала. Иван смотрел на нее, снова ощущая эту противоречивую смесь — блаженство, счастье и обжигающую, щемящую тоску. Когда пришло время смениться, он не сразу заставил себя поднять жену.

Наступило утро, и они разбудили брюнетку. Она моргала, не соображая, что с ней, где находится. В глазах мелькнул испуг, но вид Евы и ее мужа успокоил женщину. Она представилась, они с ней познакомились.

Иван улыбнулся ей.

— Ну что, Анна? Выспалась?

Она кивнула.

— Я так... вам благодарна... что вы меня не бросили.

Она покосилась на спящего. У нее на лице отразились противоречивые чувства. Иван понимал, что перед тем как разбудить рыжеволосого, надо поговорить с Анной.

Ева спросила:

— Ты видела этого мужчину раньше?

Анна покачала головой.

— Но ты не уверена, что это... что из-за него погиб твой муж?

— Не знаю... Не уверена. Но рядом... никого не было.

Иван и Ева переглянулись. Вчера они договорились, что не допустят ненужных сантиментов, будут стоять на своем. Если предположить, что именно рыжеволосый сде-

лал Анну вдовой, по сути, это ничего не меняет. Она ему нужна так же, как и он ей. Добро пожаловать в новый мир!

— Анна, — сказал Иван. — Чтобы выжить, нужно забыть о прошлом. Понимаешь, о чем я? Тебе нужен партнер, неважно, мужчина или женщина. Хотя лучше мужчина.

— Можно мне пойти с вами?

Иван отвел взгляд — сделал вид, что отвлекся на рыжеволосого. Казалось, Анна сейчас не сдержит слез, и Ева сжала ее руку.

— Тебе нужна пара, — сказала она. — Мы бы все равно искали тебе человека. И кто знает, кого бы нашли. А так нам повезло — человек есть.

Анна отодвинулась, словно рыжеволосый встал и пошел к ней.

— Нет, нет, только не он.

— Почему?

— Он тебя не устраивает? — спросил Иван. — У нас нет выбора. Может быть, во всем городе мы не найдем нормального одиночку. Либо это будет шатун, а с ними опасно связываться. Либо мы встретим пару, но вряд ли они станут нас слушать. Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

Анна опустила голову, она сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Мне страшно... Возьмите меня с собой.

Иван помедлил.

— Какое-то время мы будем идти все четверо. И ты познакомишься с этим человеком поближе. Но быть вместе все время мы не сможем.

— Почему?

Иван замялся. Действительно, почему? Однозначного ответа не было. Быть может всякое. Многое зависит от

людей. Нельзя утверждать, что группа даже из десяти человек обязательно закончит совместное сосуществование трагично и распадется. Нельзя.

Иван почувствовал, как Ева коснулась его локтя, он встретился с ней взглядом. Она чуть заметно кивнула. Иван не был уверен, что правильно ее понял, но возможности выйти, пошептаться не было — это усилит проблему с Анной. Они теряли время, беседа все больше напоминала уговоры ребенка, в теперешнем положении это просто смешно.

— Анна, всякое случается. Может, мы будем вместе, может, нет. Никто не знает. Тебе нужно настроиться, что в случае каких-то проблем мы разобьемся на пары.

Ева снова жала Анне руку.

— Не бойся. Мы живы, это главное. Этот мужчина может стать для тебя подходящим. Не бойся, мы рядом. Мы же не бросили тебя.

Иван спросил:

— Давай разбудим его? Согласна?

Анна нехотя кивнула.

Рыжеволосый, в отличие от Анны, быстро пришел в себя — сел, огляделся, широко улыбаясь.

— Ого, нас четверо? Благодарствую, я уж и не мечтал остаться в живых. Даже не верится, черт подери.

Он размял руки, помассировал ноги, продолжая улыбаться, задержал взгляд на Анне. Та поежилась, отвернулась.

— Меня зовут Грэг. А вас?

Все по очереди представились. Анна сказала свое имя так тихо, что Грэг переспросил, и за Анну ответила Ева.

— Анна? — Грэг заулыбался шире. — Мое любимое женское имя. Хотите верить, хотите проверьте.

Он хихикнул, его жизнерадостность непроизвольно вынудила улыбнуться остальных.

Несмотря на это, Иван внимательно наблюдал за Грэггом. Анализировал его жесты, слова, пока они ели, пока Грэг рассказывал, откуда он, что с ним было в Прежней Жизни, что он пережил уже после Всемирной Катастрофы. Не то чтобы Иван рассчитывал, что по каким-то жестам или несоответствиям уличит Грэгга во лжи. Даже если Грэг — убийца, Иван и Ева отправят Анну вместе с ним. Теперь между понятиями лжи и правды не было такой разницы, как в Прежней Жизни. Иван просто изучал человека, с которым, судя по всему, какое-то время придется идти вместе. Хотя бы до той поры, пока Анна не привыкнет к Грэггу, пока у нее не поблекнет образ погибшего мужа. Это время придет, сомнений нет. Человеческая память слаба, в этом мире уже не осталось ничего более хлипкого и податливого.

Когда-то Иван удивлялся, почему человек, повзрослев, не помнит ничего, что было с ним до трех-пятилетнего возраста? Становясь старше, Иван убедился, что детство здесь ни при чем — нередко взрослый не может вспомнить, что делал в определенный день в прошлом году. Конечно, на события, оставляющие след, необходимо больше времени, чтобы они поблекли и стерлись, но что такое десяток-другой лет по сравнению с Вечностью?

Грэг почти не лукавил, рассказывая о себе. Он признался, что бросил своего последнего партнера по несчастью, когда тот сломал ногу. Грэг понимал: его откровенность будет в плюс, никто не сможет в чем-то его обвинить — наверняка каждый поступил бы точно так же,

в противном случае оказался бы обречен на пару с несчастным. Единственное, о чем он умолчал, — это слежка за Анной, ее мужем и удары ему по голове.

После полудня Ева незаметно предложила Ивану выйти на разведку с Грэггом, а ей остаться с Анной. К этому моменту Анна расслабилась, но небольшой перерыв в общении с Грэггом мог пойти ей на пользу. Выяснить, считает ли она Грэга убийцей своего мужа, не представлялось возможным, пока он не спит, да в этом и не было срочной нужды: Анна стала спокойней.

Грэг согласился на вылазку.

— Сам хотел предложить. В городе были собаки, — он глянул на Анну. — Не возражаешь, если я тебя ненадолго оставлю?

Анна не возражала. На пороге Грэг улыбнулся ей, как будто между ними уже были какие-то отношения.

Иван и Грэг не спеша проверили близлежащие кварталы. Грэг выглядел бодрым, довольным. Неудивительно, подумал Иван — после того, что ему светило, в последний момент найти нормальных людей, которые к тому же позволили ему выспаться.

Когда Грэг спросил, что его партнер ищет на земле, Иван понял, что веселая безалаберность Грэга отчасти напускная. Грэг тоже следил за ним, раз заметил, что Иван ищет следы. Наверняка Грэг задавался вопросом, что ждет его впереди, куда они пойдут, как сложатся отношения с Анной. Его шутки, улыбки оказались всего-навсего защитой, единственной формой, какую он мог себе позволить. Иван не колебался и рассказал про знаки.

Странно, но веселость Грэга ушла, он притих.

— Хрень какая-то. Я нигде ничего такого не видел.

Они повернули назад, к своему пристанищу, где их ждали женщины. По пути Грэга привлек дом, который когда-то был магазином.

— Я быстро, — сказал.

Иван помедлил, двинулся следом. Не то чтобы возникла необходимость контролировать Грэга, но пока Иван не хотел оставлять его без внимания.

Грэг копался в разном хламе, заполнявшем пространство за прилавком. Иван быстро осмотрелся. По его мнению, здесь не было ничего стоящего. Грэг повернулся, усмехаясь, в руке он что-то держал. Искусственный цветок, гвоздика.

— То, что надо, — заявил он.

Вернувшись назад, Грэг вручил цветок Анне. Та, поколебавшись, взяла его. И улыбнулась. Иван, встретившись взглядом с Евой, догадался, что жена расслабилась: теперь она не сомневалась, что новая пара состоялась и отправить их в самостоятельное путешествие можно в любой момент.

Они поужинали, вскоре стемнело. Пришло время спать. Грэг вызвался бодрствовать первым.

— Я же последний спал, так? — он улыбался, глядя на Анну. — Значит, дежурить первому мне.

Иван заметил, как нахмурилась Ева. Этот вопрос они с ней не обговорили — детская оплошность. Еве это предложение не понравилось. Они не могли доверить Грэгу свои жизни. Не сейчас.

Иван взял ситуацию в свои руки:

— Меняться будем мы с Евой. Вам надо поспать — и тебе, и Анне.

— Не бойсь, выспался я. Расслабьгесь.

Иван покачал головой.

— У нас все давно налажено. Не хочу сбиваться с ритма. Не хочешь спать — посиди со мной. После ляжешь. Лучше послушай совета. Ты был на грани. Неизвестно, что нас ждет впереди. Умнее воспользоваться возможностью, пока она есть.

Ева заметила, что Грэг заколебался, слова Ивана его не убедили, и она поддержала мужа:

— Грэг, мы с Иваном вместе с самого начала. И всегда были вдвоем. Мы привыкли. Нам только хуже будет от этих лишних часов ночью.

— К хорошему быстро привыкаешь, — сказал Иван. — Когда расстанемся, а так, скорее всего, и будет, это станет лишней занозой. Извини.

— Как хотите. Мне все равно. Разбудите, если что.

Но он не лег. Женщины заснули, Иван сел у порога, рассматривая улицу. Он надеялся, что Грэг заснет до того, как Ивана сменит Ева — в противном случае надо предупредить ее, чтобы была осторожна.

Грэг встал, прошел к противоположной стене, где лежала Анна. Прежде чем улечься, он подошел к Ивану.

— Вздремну. Чего вдвоем сидеть? — он повернулся, чтобы уйти, но обратился снова: — Только не забудьте утром разбудить. Мало ли...

Он хихикнул, показывая, что это шутка, но Иван догадался: Грэг хотел контролировать ситуацию, как и сам Иван. Он нервничает и вовсе ни в чем не уверен. Однажды его спасли, но кто знает, что у этих людей на уме, разбудят ли его снова? Логика осталась в Прежней Жизни.

— Не забудем, — сказал Иван. — Спокойной ночи.

Перекрестки

Они прошли считанные километры на восток вдоль железной дороги, когда Иван увидел длинную стрелку. Она была выдолблена в полотне трассы, пересекающейся с железной дорогой, местами глубоко, местами не очень, с кривой «шляпкой», и достигала в длину два шага, указывая на север.

Они остановились, разглядывая окрестности. Иван посмотрел на Еву, она почему-то отвела взгляд.

— Пойдем по трассе... Там и города будут, и вдоль железки идти неудобно.

Вот и ответ на вопрос Евы, сменят ли они направление движения, если найдут стрелку, которая указывает не на восток. Она молчала, Грэг тоже ничего не сказал. Похоже, он не заметил стрелки, его привлекло нечто другое. На следующем крупном перекрестке стало ясно, что именно.

В сотне метров у обочины стояли два автомобиля: темно-зеленый «Форд» и белая «Мазда». Едва уловимое движение первой заметила Анна. Она ахнула, вскинула руку, и остальные увидели высокого мужчину в тулупе. Он выскочил из-за деревьев на другой стороне трассы, пошел к двум машинам, и не сразу стало ясно, что это шатун. Лишь в нескольких шагах от «Форда» он пошатнулся, едва удержал равновесие, размахивая руками, будто хватался за что-то невидимое. Он замер, наклонив голову вперед, как боксер, готовый выдержать очередной удар и пойти в атаку.

Ева схватила Ивана за руку.

— Там кто-то есть. В машине.

Все четверо без слов сместились под защиту деревьев на своей стороне трассы, прошли вперед.

Тулуп подошел к «Форду», ударил рукой по капоту. Ему ответил девичий визг. Правая задняя дверца распахнулась, оттуда выскочила женщина среднего возраста, рыжеволосая, крупная, потянула за собой девушку лет пятнадцати. Пока Тулуп обходил «Форд», опираясь рукой о крышу салона и багажник, Рыжая с девушкой забрались в «Мазду».

— Он поймает их, — сказала Ева. — Почему не убежать в лес?

Четверка поравнялась с машинами, все остановились.

— Ребята, — пробормотала Анна. — Вы поможете им?

Тулуп стукнул кулаком по лобовому стеклу, разбил руку — брызнула кровь. Закричала девушка. Видно было, как Рыжая удерживает ее в салоне.

— Бегите, — сказала Ева. — Он вас не догонит.

— Похоже, он преследовал их еще в лесу, — заметил Иван. — Он на пределе, но запас еще есть, а они устали.

Тулуп заревел, снова ударил по стеклу, смещаясь к задней дверце.

— Да помогите же им! — сказала Анна.

Грэг ухмыльнулся.

— Может, еще и погибнуть за них? С шатуном не так-то легко сладить.

Тулуп стукнул в стекло задней дверцы. Рыжая вцепилась в ручку дверцы изнутри.

Анна пихнула Грэга.

— Он же убьет их!

— Аннушка, всех не спасти. И что потом с ними делать? Взвалить на свои шеи?

— Просто спасти их!

Иван, поддавшись импульсу, пошел вперед.

— Не выходите. Я один.

Анна снова пихнула Грэга.

— Помоги ему!

Грэг сделал шаг-другой, остановился. Все происходило быстро. Иван закричал, отвлекая Тулупа. Тот вскинул голову, в глазах ничего осмысленного, одно безумие.

— Эй! Ложись, поспи! — голос Ивана дрожал.

На бегу он подобрал пригоршню земли, остановился по другую сторону «Мазды» и, когда Тулуп взревел, огибая капот, чтобы добраться до новой жертвы, бросил ему землю в лицо. Тулуп заморгал, споткнулся, покатился с трассы на обочину. Рев его ослаб, он пытался встать, но тщетно. И все же гарантировать, что он больше не поднимется, Иван бы не рискнул.

Он повернулся к женщине в машине.

— Выходите! Пока он не встал.

Рыжая удержала девушку в салоне, посмотрела на Грэга. Тот, ухмыляясь, вышел из-за деревьев, развел руки в непонятном жесте — то ли «вот какие мы», то ли «ну и бардак тут у вас».

Рыжая суетливо вытянула что-то из рюкзака, вскинула руки с зажатым в них пистолетом. Девушка завизжала. Иван не поверил своим глазам, но повалился в сторону. Вовремя. Рыжая выстрелила. Пуля пробила лобовое стекло, и маленький осколок царапнул Ивану щеку. Грэг отпрянул под защиту деревьев, толкая Анну назад.

Иван перекатился подальше от трассы, привстал и, не разгибаясь, отбежал под защиту ближайшего дерева. Еще одна перебежка, и стало ясно, что опасность позади.

Ева поспешила к Ивану. Грэг схватил Анну, потянул за собой.

— И ты, дуреха, просишь: спасите их, спасите! Кого спасти? Самих чуть не угробили.

Анна, шокированная, молчала. Ева с разбегу обняла Ивана.

— Цел?

— Цел, не волнуйся...

Грэг хмыкнул.

— В следующий раз мы подумаем, когда Аннушка попросит спасти мир.

Он засмеялся, его никто не поддержал. Анна тихо спросила:

— Почему она... в шатуна не стреляла?

Иван обернулся.

— Кто его знает... Забыла с перепугу... Или патронов один-два было — берегла на крайний случай.

— Крайний случай?

— Она решила, что мы из банды. Что мы просто отбили ее с девочкой у шатуна.

— И что с ними теперь будет?

Ей никто не ответил. Никто просто не знал.

Автобус относился к разряду междугородних. Он выглядел целее машин, скопившихся возле нескольких полуразрушенных зданий, где на перекрестке трассы и второстепенного шоссе раньше располагались придорожное кафе, автомойка и туалет. Дорогу заполняли несколько перевернувшихся автомобилей и один громадный рефрижератор. Возможно, они перекрыли путь, может, причина была иной, но автобус казался брошенным. Пассажиры ушли, оставив тяжелые сумки, у кого они были, в проходе между сидений, взяв с собой лишь ценное и необходимое.

Великий Холод многих застал не только дома, на диване, или во время перемещений по родному городу, но и в пути: этим людям пришлось еще хуже, в незнакомой местности. Если только понятие «хуже» уместно.

Грэг попросил подождать, а лучше составить ему компанию, и пошел к автобусу. Он всегда осматривал места, где можно чем-то поживиться. Говорил, что никогда не знаешь, где и что можно найти, и как это получится использовать в дальнейшем. Стоило признать: у него было какое-то чутье. На предыдущем перекрестке Грэг нашел пару бесполезных вещей: зажигалку (она каким-то образом еще работала), две шерстяные женские шапки (подошли и Анне, и Еве), зеленого слоненка — точилку-игрушку (Анне вещица так понравилась, что она сутки не выпускала ее из рук, как талисман), пачку вполне пригодных носков (они подошли и женщинам, и мужчинам). После этого у Ивана не хватало духу требовать от Грэга идти рядом и никуда не лезть.

Грэг забрался в автобус через пустой проем, где раньше была дверь. За ним последовала Анна — она вела себя с Грэгом все уверенней, казалось, с тех пор как они вместе, прошел не день-два, а месяцы. Вчера вечером Ева шепнула Ивану, что скоро Грэг и Анна станут удаляться перед сном в укромное место, на что Иван, улыбнувшись, пробормотал: «они выросли, их можно выпускать из гнезда». Их пример хозяйственной семейной пары заразил Еву, она составила им компанию.

Иван посмотрел на небо, нахмурился. Близились сумерки. Вряд ли путники достигнут хотя бы мелкого городка. Иван задержал взгляд на кромке леса, между ним и зданием лежало широкое поле.

— Эй! — Иван заглянул в салон. — Давайте быстрее. Скоро ночь.

Грэг что-то негромко ответил. Хихикнула Анна.

Иван покосился на нее, увидел лишь спину. Считанные часы назад она была на грани истерики, ни в какую не желала идти с Грэгом, а сейчас напоминает девушку-подростка, которой удалось познакомиться с понравившимся парнем. Или ее так отпускает стресс?

— Смотрите! — голос Анны. — Вам понравится.

Грэг обернулся к ней.

— Ого. Хвалю. Пригодится. Ладно, топаем отсюда, тут один хлам. Выгребли все, что можно.

Они выбрались из автобуса. Иван увидел в руке Грэга черный бинокль небольших размеров.

— Смотри, — Грэг поднял руку с биноклем. — Теперь никакие собаки не страшны.

Иван не стал спорить, что бинокль, конечно, поможет, но это не панацея от собак: увидеть их раньше — не значит скрыться. Мелькнула мысль, что нужно найти такой же, когда они расстанутся с Грэгом и Анной.

Грэг приложил бинокль к глазам, не спеша повернулся вокруг своей оси, издал радостное восклицание, передал бинокль Анне, та уступила очередь Еве.

— Вещица, черт подери! — сказал Грэг. — Теперь таких не делают. Некому.

Он засмеялся, довольный своей шуткой. Иван покосился на него.

— К ночи мы еще будем идти. Предлагаю отправиться к лесу.

Грэг хмыкнул.

— Предлагаю остаться здесь. Нам в лесу на деревьях, что ли, сидеть, если собаки явятся?

Иван выдержал небольшую паузу, чтобы говорить спокойно. Попытки править балом проявлялись у Грэга все настойчивей. Иван подозревал, что начини он нервничать, доказывая свою правоту, право руководить, Грэг осмелеет, а после и обнаглееет.

— В зданиях удобней, чем в лесу, не спору, но сюда стая зайвится гораздо быстрее. Если мы их увидим, бежать будет поздно. Нас тут закупорят. В лесу нет открытой местности, можно запутать следы.

Ева поддержала мужа:

— Да, Грэг. Ты предложил не самый удачный вариант. Идем к лесу.

Грэг улыбнулся, развел руками.

— Ладно. Хотите грибочков насобирать? Чем бы дитяти ни тешилось, лишь бы не плакало.

Иван хотел осадить его, но решил оставить это до следующего раза.

Сквозь кроны деревьев мерцали звезды. Их число постепенно уменьшалось — небо затягивало тучами. Близился дождь. В верхушках сосен гулял, усиливаясь, ветер.

Они устроились в глубине леса, на берегу ручейка — прошли по нему метров сто для надежности, несмотря на бурчание Грэга. Иван остановился, понимая, что дальше пропускать мимо ушей высказывания Грэга нельзя, его опередила Ева:

— Грэг, ты устал? Я бы понесла тебя на руках, но мне это не под силу. Разные весовые категории, понимаешь? — она улыбнулась. — Тебе с нами не нравится? Мы никого силой не держим.

Как ни странно, Грэг поспешил разрядить обстановку.

— Да шучу я, неужели не ясно?

На этом недовольство закончилось. Вскоре они нашли удобную впадину, где до темноты подготовили плотный навес из ветвей типа крыши шалаша, куда все, кроме Ивана, и забралось.

Иван заметил, как поднялась Ева, шагнула к нему. Он был уверен, что она спит. Как оказалась, она выдержала паузу, дожидаясь, когда затихнет Грэг — хотела поговорить с Иваном наедине.

Она обняла мужа, положила ему голову на плечо.

— Ложись первым. Неужели не устал?

Иван покачал головой:

— Давай как обычно. Без экспериментов.

Она ничего не сказала, и это было согласием. Они помолчали. Иван подумал, что жена задремала, но она заговорила:

— Мне кажется, что в Прежней Жизни, ну, если бы ничего не случилось, мы с тобой были бы идеальной парой. Ни ругани, ни пререканий, ни недовольства. Все тихо, мирно, весело.

Иван вздохнул.

— Кто знает... У нас с тобой не было детей. Почти у всех проблемы начинались, когда появлялись дети. Так что без детей не считается. Кстати, как там у тебя?

— Хорошо, — она погладила себя по животу. — Растет, я чувствую. Скоро будет заметно даже под широкой одеждой. Знаешь, вчера, пока вы с Грэгом отходили, я... похвасталась Анне. Она удивилась, но поверила сразу.

Ивану это не понравилось, но укорять Еву он не стал — все равно поздно.

— Кстати, о Грэге и Анне. Не пора ли нам пустить их в свободное плавание?

Ева ответила не сразу.

— Разве они нам мешают? Мне кажется, с ними... как-то надежней. Не так одиноко. И Анна... мы с ней могли бы стать подругами.

— Хочешь сказать, нам вообще не надо с ними разделяться?

— Не знаю... Там видно будет. Я понимаю, с Грэгом вы вряд ли станете друзьями...

— Дружба тут ни при чем. Дружба — это когда вокруг полно народу, а ты выбираешь кого-то, с кем общаешься чаще, с кем вы понимаете друг друга лучше остальных. Вокруг нас полно народу?

Ева улыбнулась.

— Не надо так буквально. Грэга мы уговорим. Я помогу. Он не такой уж и противный. Просто еще не привык.

— Дело не в его характере. Каким бы он ни был... что толку, если я ему не доверяю? И ты, в общем, тоже. Даже не знаю, когда я соглашусь, чтобы он дежурил, пока мы спим. И будет ли такое вообще? — Иван помолчал. — Ему хорошо. Дрыхнет себе, ни о чем не беспокоится, за него все решают, и он еще фыркает, если не согласен.

Ева обняла его.

— Чего ты завелся? Успокойся. Решай ты, я спорить не буду, — ее голос стал тихим. — Ты — мой муж, мой законный хозяин. Я готова тебе подчиняться. Накажи меня, если я плохо себя вела.

Иван почувствовал возбуждение, рука Евы уже расстегивала ремень его штанов. Анна — подруга Евы? Это понятие почему-то приобрело вес. Иван понял, что ни в чем не уверен.

К новому городу они подошли к полудню. Их привело усеянное мелким мусором шоссе. Они покинули трассу, уходящую на северо-восток, и пошли на север, зная, что там их ждет город, хотя не зная, насколько крупный. Дорожные указатели, как и прежде, не подсказали название города, один из щитов указывал, что до Москвы столько-то километров — разобрать цифры было нельзя. Часа через полтора они были на месте. Городок оказался небольшим, без высотных домов.

Грэг потребовал, чтобы они задержались тут на пару дней. Его робко поддержала Анна — она еще в лесу жаловалась, что подустала, и Ева обещала ей отдых, как только они достигнут ближайшего города.

Пока они искали подходящее здание, оказалось, что прошли почти весь город. Возвращаться не хотелось, они заняли первый попавшийся дом, полуразрушенный, но внутри нашлась почти целая комната, откуда просматривались все подступы и сам дом. Грэг, не предложив нести караул, сразу растянулся на полу, подложив куртку под голову. Иван с неудовольствием поймал себя на мысли, что это его задело, пусть он и не мог предложить иной вариант. К Грэгу присоединились женщины. Иван взял бинокль, подумал забраться на крышу.

После беглого осмотра он убедился, что без длинной лестницы забраться нереально. Можно использовать свой крюк с веревкой, но без помощника это опасно: много возни. Иван вышел из дома, осмотрелся. Напротив, через один дом, он заметил целую крышу. Это ни о чем не говорило, сам дом был едва живым — в стенах такие дыры, что можно сказать, их нет. Дом напоминал гриб с доживающей свой век ножкой.

Иван перешел улицу, убедился, что вокруг тихо, вошел в дом. Путь на чердак оказался доступен. Иван взобрался на крышу, сел, чтобы не свалиться, посмотрел в бинокль.

Город просматривался почти полностью. Виднелась часть шоссе, которое привело их с юга. Две дороги вели из города в северо-восточном и восточном направлениях. Выделялись останки двух заводов — возможно, в Прежней Жизни город рос и жил за счет этих предприятий. Иван подумал, не сходить ли туда на разведку, и улыбнулся, понимая, что мыслит отчасти как Грэг. Какое-то время Иван рассматривал церковь — она выделялась в городе сильнее всего: белое на темном. Город выглядел мертвым. Иван не удивился бы, что кроме них тут вообще нет ни одного человека. Он наблюдал, пока не пришло время будить Еву.

Он спустился, разбудил жену, поцеловал ее, тут же уснул. Когда его затрясла Ева, ему показалось, что прошли считанные минуты. Так и было. Ева не просто будила его, чтобы смениться, она тормозила его и была чем-то напугана.

Иван сел, глянул на жену. Она сказала всего одно слово:
— Шатун.

Иван прошел в соседнюю комнату, которую отсутствие стен превратило в открытую веранду, выглянул на улицу.

Бритоголовый шатун, мощный, со свирепым лицом человека, который не сдастся до конца, брел по улице, поглядывая, когда удавалось приподнять голову, на их временное пристанище. Сомнений не было — он учуял, что в доме кто-то есть, и у него еще оставались силы.

Ева сжала Ивану руку.

— Это не тот, — голос растерянный. — Это еще один.

Иван замер.

— Первый где? Прошел?

Ева не ответила — она не знала.

Бритоголовый остановился, и какой-то момент казалось, что он шлепнется и не встанет, но он удержался. Он зарычал, опустив голову вперед, пошел к дому.

Иван попятился, толкая Еву назад, к комнате. Увидел доску, подхватил ее, уложил ее перед входом, единственным местом, возможным для шатуна в его состоянии, придавил парой булыжников, найденных здесь же. Был шанс, что шатун споткнется и не встанет. Иван выглянул, рассматривая подступы к крыльцу, увидел еще одного шатуна — именно его первым заметила Ева.

Мужчина средних лет, худой, не такой опасный с виду, хотя Иван знал, что у шатунов на конечной стадии сила не соответствует их внешнему виду, в них будто дьявол вселяется. Вот на кого смотрел Бритоголовый. Появился шанс, что они отвлекут друг друга, но это Ивана не успокоило — действия шатунов непредсказуемы.

Он обернулся к Еве:

— Буди их!

В дом, держась за дверной косяк, вошел Худой. Невежливо, но он не задел, казалось бы, неодолимую для себя преграду. Ивана он не заметил — его беспокоил противник за спиной. Худой оперся о стену, на большее его не хватало — он держался, чтобы не сползти на пол.

Иван поднял топор. Он понял: опасен Бритоголовый, Худой почти на нуле. Будь Худой один, он бы лежал с закрытыми глазами, погружаясь в сон, из которого не суждено всплыть. Но страх — великое горючее, и Худой напоследок заправился. Снаружи взревел Бритоголовый, под его ногами с шорохом откатывались мелкие камешки.

Шатуны оставались для Ивана загадкой. Казалось бы, человек на пределе: идет по инерции, на автомате, одно движение в сторону и он упадет. Физические силы иссякли, потому он и превратился в шатуна, он уже практически без сознания. Но стоит увидеть нормального человека или другого шатуна, как из некоей пустоты появляется дополнительная энергия. Шатун по-прежнему ничего не осознает, но некий инстинкт толкает его на штурм последней возможности выжить, а выжить в его ситуации можно лишь с помощью постороннего. Шатун потому и становится шатуном, что бредет в поисках того, кто сможет его разбудить. Но шатун не стремится заключить постороннего в объятия, улыбнуться, нет, им управляет агрессия, и он способен сделать то, что ему лишь повредит: уничтожить последнюю надежду. Абсурд, но дополнительную энергию порождают злоба, страх и ненависть, а не благие намерения.

Бритоголовый споткнулся о доску, упал, но остался на четвереньках — голова задрана, на подбородке пена, глаза безумные. Он пополз к Худому, и тот, даже заметив противника, не смог сделать ни шагу.

В дверном проеме показалась Ева. За ней виднелась застывшая Анна. Грэг, бурча, садился, протирая глаза.

Бритоголовый привстал, вонзился головой в пах Худому. Тот глухо крикнул, сполз по стене на пол. Иван замер — сейчас нужно проявить терпение, не шевелиться, и Бритоголовый истратит остатки энергии на Худого. Не вышло. Из соседней комнаты слышался голос Грэга:

— Да что там такое?

Этого оказалось достаточно — Бритоголовый заметил Ивана, через секунду-другую Еву. Опираясь о замирающего Худого, Бритоголовый встал! Иван хотел рвануть к выхо-

ду, но поблизости оставалась Ева, шатун мог выбрать и ее. Иван попятился, держа топор перед собой, закрывая жену.

— Спокойно, спокойно... Ложись, поспи, — он говорил медленно, тихо, надеясь, что голос звучит убаюкивающе. — Мы разбудим тебя, обещаю. Тебе нужно поспать.

Бритоголовый взревел, подался к Ивану быстрее, чем можно было ожидать. Иван, пригнувшись, шагнул вправо, как будто уходя от удара.

— Бегите! — крикнул он. — В окно!

Грэг растерялся, заметавшись по комнате. Ева толкнула Анну к окну — единственному выходу, кроме дверного проема, и та, неожиданно споткнувшись, упала.

Бритоголовый повернулся к женщинам. Иван колебался всего секунду. Он мог подставить Бритоголовому подножку, обхватить его за корпус и ударить о стену, просто повалить на пол, ударить ногой, не ввязываясь в борцовский контакт, но Иван знал: шатун на пределе обладает ирреальной силой, и, если Бритоголовый схватит его, за исход ручаться нельзя.

Иван сделал то, что давало гарантии: дважды ударил шатуна топором по шее. Это было убийство, но выбора не осталось: ни уйти, ни отбиться без ущерба для себя.

Шатун рухнул, заливая кровью пол.

6

Направление

Иван поцеловал спящую Еву, глянул на Грэга и Анну и вышел наружу. Он решил забраться на крышу и снова осмотреться. Через пару часов, когда придет время будить всех, они позавтракают и отправятся в путь.

Вчерашний день с его драматическим эпизодом закончился спокойно. Иван пару часов чувствовал противную дрожь, но это прошло. Двух ударов шатуну хватило, чтобы все забрызгались кровью. Пришлось искать воду, отмываться, менять пристанище — даже убрав тело Бритоголового, никому не улыбалось ночевать в залитой кровью комнате. Они перебрались в соседний дом, неудобный, но после шатуна это казалось мелочью. Бродить по району никто не стремился.

Позже, ближе к вечеру, и Ева, и Иван замечали нескольких шатунов, но те проходили мимо, и тот, кто дежурил, не будил остальных. Даже Грэг не говорил о том, чтобы остаться в этом городе на пару дней. В сумерках он вызвался поискать поблизости еду, с ним пошла Анна. Иван не стал их удерживать. В глубине души он рассчитывал, что парочка просто ушла, не прощаясь. Они вернулись, правда, ни с чем. Иван хотел сказать Грэгу о том, как тот себя вел при появлении шатуна, но не решился. Скоро они расстанутся, неважно, подруга Анна Еве или нет.

Когда Грэг и Анна легли, Иван заговорил об этом с Евой. Он ожидал, что она не согласится, скажет что-то в защиту того, чтобы Анна оставалась рядом, но Ева зашла с другой стороны:

— Давай завтра решим. Поздновато для таких разговоров.

Он не смог возразить.

Иван взобрался на крышу, приложил бинокль к глазам, осмотрелся. Когда они с Евой останутся вдвоем, этой вещицы им будет не хватать. И как Иван раньше не подумал о бинокле?

Шатунов видно не было. Иван еще раз сосредоточился на восточной окраине — там, где они покинут город.

Внимание что-то привлекло — камни с неровными краями, небольшая кучка. Они были не просто разбросаны, кто-то сложил их в виде какой-то формы.

Иван убрал от лица бинокль. Снова приложил, присмотрелся.

Так и есть. Камни сложены.

Он поспешил вниз, убедился, что на улице тихо, никого нет, быстро пошел в нужном направлении. В голове возник сумбур. Он не забывал знаки мелом, но они почему-то медленно отступали на второй план. Неужели опять?

Недалеко от камней Иван остановился, разглядывая подступы к улице. До окраины близко, вокруг даже не руины, а жалкие остатки некогда жилых деревянных домов. Он медлил, как будто не хотел увидеть то, что увидит, хотя понимал, что не ошибся.

Он пошел вперед, опустил взгляд на землю.

На обочине дороги из камней сложили стрелку в метр длиной. Неровная, из камней разного объема, но сомнений не было — стрелка указывала в северо-восточном направлении. Иван закрыл глаза, медленно глотнул воздуха, выдохнул. Он испытал странное желание забросать камни ногой, убеждая себя, что здесь нет никакого знака. Он занес ногу, потрогал носком ботинка самый крупный камень. И вспомнил кое-что увиденное, когда они входили в этот город.

Иван поспешил обратно. Утро набирало силу, приближалось время поднимать всех. Иван решил разбудить хотя бы Еву — он собирался оставить их одних чуть дольше, и рисковать не хотелось. Путь к южной окраине займет время, а то, что он не заметил шатунов, не доказывало их отсутствия. Кроме того, кто-то ведь оставил

эти знаки, и каковы его намерения, опасен он или нет, неизвестно.

Ева проснулась быстро — выпалась.

— Мне надо пройтись, постараюсь быстро. Их пока не буди, жди меня.

— Что-то случилось?

Он замялся, не рассказать ли после?

— Я нашел знак. Из камней. Его выложили, не нарисовали. После обговорим.

Ева не задерживала его расспросами.

Иван не сразу нашел место, где они вчера вошли в город. Он обошел пару лишних кварталов, заодно убедился, что знаков больше нет. Он подошел к разбросанным камням, которые вчера не привлекли его внимания. Мельче, чем на восточной окраине, не так бросаются в глаза из-за обломков и мусора. Они лежали между разрушенным полотном дороги и сохранившимся кирпичным забором одного из частных домов Прежней Жизни.

Иван смотрел под ноги, потому и заметил камни, но знаки он искал другие и, оставив камни без внимания, вспомнил о них случайно, увидев знак в противоположном конце города.

Сказать с уверенностью что-то определенное было нельзя. Казалось, камни разбросали ногой после того, как сложили в линию, может и в стрелку — понять, куда она указывает, было нереально, — или ее просто могли не доделать. Но главное, камни могли лежать так благодаря стечению обстоятельств. Хотя других камней поблизости вообще не было.

Иван присел, взял один камень, взвесил его в руке, разглядывая, словно это могло навести на какой-то след.

Холодный после ночи, шершавый, мокрый от росы, камень ни о чем не поведал.

Опустив его на землю, Иван подошел к дому, где можно было легко взобраться на крышу веранды, помедлил, залез на нее, выпрямился во весь рост. Бросив взгляд на камни, посмотрел в бинокль. Сначала он исследовал землю, которая была в поле зрения, и перед тем как спуститься, глянул вдаль — на ленту шоссе у леса.

По шоссе кто-то двигался. Иван напрягся, до боли вжимая бинокль в лицо.

Собака.

За ней появилась еще одна. Иван застыл, не в силах пошевелиться. Несколько секунд он уговаривал себя, что видит парочку отбившихся мелких псов, такое тоже бывает, ничего страшного.

Из-за пригорка ленивой лентой вытекла громадная стая. Беззвучная из-за расстояния, из маленьких вертячих фигурок, стая медленно, но неумолимо сокращала расстояние, направляясь к городу. Многие из собак низко держали морды — они шли по следу, сомнений не было.

Иван едва не сорвался с крыши веранды, заставил себя спокойно слезть на землю и побежал.

Иван ворвался в убежище.

— Буди их, Ева!

Она ничего не спросила, бросилась к Анне и Грэгу, затормошила их — спали они плечом к плечу. Анна открыла глаза, села, Грэг отмахнулся, закричал — пробуждение всегда давалось ему тяжело.

Иван, согнувшись, восстанавливал дыхание. Последнее кварталы он бежал с максимальной скоростью. В груди застрял горячий осколок, ноги сводило судорогой. Он

и в Прежней Жизни не был любителем бега, сейчас для него, постоянно уставшего, с бесконечными переходами и неважным питанием, бросок через весь город стал испытанием, опустошившим запасы энергии.

— Вставай! — Ева пнула Грэга и оставила его.

Грэгом занялась испуганная Анна. Ева без слов схватила Ивана за плечо.

— Собаки, — выдохнул он. — Большая стая.

Грэг и Анна стояли в дверном проеме, глядя на Ивана, потного, с покрасневшимся лицом.

— Что нам делать? — спросила Анна.

— Уходим. Они идут там же, откуда мы пришли — с юго-запада. Пойдем дальше.

Грэг подошел к главному входу, выглянул.

— Если уйдем, они нас догонят. Надо здесь пересидеть. Сбить след и... затаиться.

Иван посмотрел на Грэга. Он предложил это из чувства противоречия или не до конца уяснил ситуацию?

Иван заговорил сбивчиво — дыхание еще не восстановилось:

— Городок маленький. Они учуют нас. Даже если они найдут шатуна, стая слишком большая, им будет мало. Если они найдут нас, мы — трупы. Если уйдем, есть шанс, что они тут задержатся и мы скроемся.

Он взялся за вещмешок, проверил, что уложено. Анна беспомощно посмотрела на Грэга. Тот не собирался уступать.

— Уйти из города — самоубийство. Они... возьмут след.

Иван ничего не сказал, Грэг подошел вплотную.

— Послушай... Можно сбить след.

— Ты не видел стаи. На всех перца не хватит,

кто-нибудь из них услышит наш запах. Пока вы спали, я исходил полгородка.

Последний аргумент лишил Грэга остатков задора. Анна уже собирала вещи. Через несколько минут они спешили к окраине. Иван заколебался, надо ли показать Еве знак. Было не до того. Ева сама заметила камни.

Она остановилась. Грэг проследил за направлением ее взгляда.

— Стрелка? Вы про эти знаки говорили?

Иван потянул Еву за собой.

— После обсудим. Дыхание береги.

Через полсотни шагов Иван высыпал перец длинной полосой. Пустой пакет он бросил на землю.

— Надо раздобыть еще. По возможности.

Они шли на пределе возможностей, пока город не скрылся вдали.

Они не останавливались до вечера.

Иван ловил себя на мысли, что вот-вот прикажет всем пробежаться. Не будь с ним беременной Евы, его бы ничто не сдержало. Он понимал, что вынудил всех на рискованный ход. За пределами города меньше запахов, которые задержат собак, собьют след, меньше шансов встретить шатуна, который, принесенный в жертву, может стать для них спасением.

После полудня они перешли вброд речку, продвинулись вниз по течению на десяток километров, обнаружили широкий приземистый дуб, и Ева предложила ночевать на развилке ветвей. Если стая еще идет по их следу, внезапный конец им не грозит.

Перед тем как забраться, поужинали. Грэг посматривал на Ивана, и тот догадался: затевается разговор.

— Выходит, — заговорил Грэг. — Мы идем по знакам?

Иван ответил не сразу. Он переглянулся с Евой, она хотела что-то сказать, но он ее опередил:

— Нам попалось по пути несколько знаков. Мы просто идем.

— Ты говорил, раньше они были нарисованы мелом. И еще что-то написано.

— Раньше — мелом, сейчас знак из камней. Надпись была только одна.

— Мне кажется, надо свернуть куда-нибудь в сторону. Пока не поздно.

— Почему? — спросила Ева.

Грэг ухмыльнулся.

— Что хорошего в этих знаках? Какой-нибудь псих заманивает простаков. Я слышал, где-то начался каннибализм. Короче, с этими знаками можно попасть, куда врагу не пожелаешь.

Иван и Ева переглянулись. Грэг ждал их реакции. Иван сказал:

— Надо от собак подальше уйти. Найти город покрупнее. О знаках я сейчас не думаю. Увидим — тогда решим.

Уклончивый ответ лишил Грэга стимула для углубления в тему, он зевнул, доел и сказал, что пора баиньки. На веревках они забрались наверх, устроились.

Первым дежурил Иван. Он смотрел на звезды, и, к его удивлению, спать не хотелось. К концу своей смены он почувствовал, как его выворачивает: захотелось писать. Писать было не на чем: завтра их ждал переход на неопределенное расстояние, и смениться было необходимо.

Что же рвалось наружу сегодня? Он так и не узнал, разбудив Еву. Засыпая, он видел красный цветок среди трупов, мусора и разрушений.

Стычка

Они шли по той же трассе на северо-восток — дорога уклонялась в направлении Москвы. Вчера, перед закатом, на очередном перекрестке они увидели еще один знак. «Шляпку» нарисовали каким-то мазутом, саму стрелку выдолбили в полотне трассы. Первый вариант «синтеза», словно у кого-то, путившего в ход мазут, его не хватило и пришлось доделывать иным способом.

Все четверо рассматривали знак, но никто ничего не говорил. Сказывалась усталость. Хотелось быстрее найти ночлег.

Ночь снова провели в лесу. Удобного для ночлега дерева не нашли, устроились поблизости от тех, куда можно быстро взобраться. Грэг захрапел, как только опустил голову на рюкзак. На дневном привале Ева прошептала, что дежурить вызывается Анна. Против Анны Иван ничего не имел, но позволить ей дежурить и по-прежнему игнорировать Грэга? Вряд ли это правильная линия поведения.

Когда Иван разбудил Еву, она снова предложила подключить Анну, он не согласился. Иван не сразу заснул, несмотря на усталость. В лесу стояла мертвая тишина, именно мертвая — здесь не выжил никто. В отличие от людей у птиц, зверей и пресмыкающихся не было бомбоубежищ, глубоких подвалов, метро. Ивана переполнила тоска, даже сидящая рядом Ева не могла ее отогнать. Он так и заснул, испытывая усиливающуюся внутреннюю боль, будто принял яд.

Ближе к вечеру, после непродолжительного отдыха,

они поравнялись с небольшой деревней справа от трассы. Грэг обнаружил на обочине покореженный прямоугольник дорожного указателя. На нем выжили три последние буквы «..... ОВО», что ни о чем не говорило. Населенных пунктов с такой концовкой было немерено: Иваново, Воробьево, Дмитрово, Попково — список продолжался бы до бесконечности. За населенным пунктом виднелся железнодорожный переезд.

Грэг оглянулся на Ивана и Еву, и ему не пришлось говорить, что он хочет. Грэг подмигнул Анне, та пошла за ним, но обернулась на Ивана.

Тот кивнул:

— Осторожней.

Грэг, улыбаясь, предложил:

— Давайте тут ночлежку устроим.

— Это деревня. Слишком маленькая территория, опасно.

Грэг и Анна двинулись к домам. Ева обняла Ивана одной рукой.

— Пошли вместе. У них даже ножа нет.

— Побереги силы, — он помолчал. — И вообще... Тебе не кажется, это входит в привычку?

— Что входит?

— Надо расходиться.

— Почему? С ними я чувствую себя... уверенней.

— Самообман. При чем тут уверенность? Случись что-то, они нам ничем не помогут. Тебе... не так одиноко с Анной, и все.

— Этого мало? Чтобы идти вместе?

— Недостаточно.

Ева помолчала.

— Представь, если все будет благополучно и у нас...

родится ребенок? Мне понадобится помощь женщины. Недолго, но это очень важно.

Упоминание о ребенке смутило Ивана. Он обнял жену, погладил ее живот.

— Не волнуйся. Решим еще, что и как... Или... за нас решат обстоятельства.

Анна и Грэг скрылись в полуразрушенном доме, вышли, зашли в следующий. Наступил черед третьего дома.

Иван чертыхнулся.

— Он обойдет все дома? Тут давно все растащили.

Ева усмехнулась.

— Вдруг он верит в чудо?

— Ага, тот, который... Ему б поспать, пожрать да цацки чужие в руках повертеть. Кем он был в Прежней Жизни? Вроде менеджером?

— Да. В каком-то крупном магазине.

Иван взял Еву за руку, они пошли за попутчиками.

Грэг и Анна вышли из третьего дома. Лицо Грэга было хмурым — поживы никакой нет — и сосредоточенным — все еще может быть.

— Грэг, — Иван старался говорить спокойно, но твердо. — Все не обойдешь. Но поверь, здесь ничего нет. Слишком мелкое селение.

Грэг ухмыльнулся.

— Еще один дом, — он указал вперед. — Видишь? Он вроде целее.

— Там тем более ничего не будет.

— Посмотрим. Это ж по пути.

Иван хотел возразить, но его руку сжала Ева. Вместе они подошли к дому неопределенного цвета, с целой крышей и одним застекленным окном фасада. Грэг и Анна вошли во двор, скрылись в пустом провале двери.

Иван подался к окну, заглянул.

Первое, что он увидел, был Грэг, входящий в комнату, и лицо Анны. Иван уловил движение на полу, усеянном темными дырами. Пустую комнату заполнил визг Анны.

Как по команде из дыр полезли крысы. Две твари повисли на ногах Грэга, он вскрикнул, ударами кулака скинул их, отпрыгнул следом за убежавшей Анной. В оглушенных тварей вцепились десятки сородичей, но остальные, кто оказался в стороне, понеслись за людьми.

Крысы, подпрыгивая, бросались на спину Анне и Грэгу, большинство срывалось, становясь жертвами напиравших сзади сородичей, но некоторые удержались, вгрызаясь в одежду. Анна обезумела.

Иван бросился к калитке, на ходу доставая из рюкзака пакет, полный комочков, завернутых в толстый полиэтилен. Ева помогала ему, подавая по одному комочку в руки, он протыкал их толстой иглой и бросал в извергавшийся из дома поток крыс. Воздух наполнила жуткая вонь. Комочки задержали тварей, внесли сумятицу, в борьбе появились трупы и раненые среди своих, это задержало крыс — они все чаще бросались друг на друга.

Визжавшая Анна едва не сбила Ивана, когда он остановил ее на выходе со двора. Ева помогла сорвать с нее крыс. Иван толкнул Анну на улицу, она упала. Иван с Евой занялись Грэгом — тот остановился, топча тварей ногами, лупил себя по голове и плечам. Иван вскричал:

— Срывай их!

Грэг не слышал. Отмахиваясь, он мог разбить Еве лицо, Иван подножкой свалил его на землю. Они сорвали последних грызунов, рывком подняли Грэга на ноги.

Когда они отбежали, оттягивая приходившую в себя

Анну, Иван оглянулся, увидел, что крысы их не преследуют, и решил, что можно отдышаться. Грэг повалился на землю, свободной рукой ощупывая места, где ползали крысы. Анна обняла Ева. Иван смотрел на злополучный дом.

Грэг покосился на Ивана:

— Что ты им швырял? Деликатесы прятал?

Вместо Ивана ответила Ева:

— Мясные консервы. Иван придумал. Мы зовем антикрысин. Нас как-то самих чуть не сожрали.

Иван потер рукой о землю.

— Еще попробуй отмойся...

Грэг потянул носом, ухмыльнулся:

— Будто кто-то... кучу наложил. И не раз.

— Благодаря этому вы живы. Сильный запах сбил многих крыс с их первой цели. Все пожелали прорваться к самому вкусному, возник хаос.

Анна спросила:

— Разве крысы любят падаль?

— Наверное, у них, как и у нас, что-то изменилось.

Ева сказала:

— Может, новые поколения тварей пожирали отгнивающие трупы людей. И теперь для них испорченное мясо — деликатес?

— Откуда их столько в доме? — спросил Грэг.

— Кто-то долго там находился. И не сразу ушел, даже когда первые твари появились. Они и набежали.

— Похоже, этот кто-то стал их первым ужином или обедом.

Иван пожал плечами.

— Пошли. Весь антикрысин выбросили.

Они уходили, оглядываясь. Миновали последние дома, впереди приближалось небольшое здание за переез-

дом — домик железнодорожного работника. Разбитые каменные ступеньки, провал окна, покосившаяся, но выжившая крыша.

Иван заметил взгляд Грэга.

— Больше никто никуда не лезет. Проходим мимо.

Грэг остановился, глядя вперед. Замерла Анна. Иван проследил за их взглядами.

Справа в поле зрения появились двое стариков — мужчина и женщина. Они катили к трассе груженую тележку на двух колесах.

Попутчики следили за тем, как старик и старуха с натугой вкатили тележку на потрескавшийся асфальт, направились через железнодорожный переезд. Какая-то вещь едва не свалилась с тележки, старик подхватил ее, водрузил на место.

Грэг усмехнулся:

— Нахапали! Не они сидели в доме с крысами? Не проверить ли нам, что у них за добро? Вдруг поделятся, им же легче.

Иван сказал:

— Забудь.

— Их всего двое... Их даже пугать не придется.

— Забудь, я сказал.

Грэг посмотрел на Ивана.

— Боишься, что ли?

— Грабить мы не будем. Это последнее дело...

— Кто говорит про грабеж? Мы просто посмотрим, что у них. И попросим поделиться. Вежливо. Черт, да забудьте вы о правилах Прежней Жизни!

Ева сказала:

— Грэг, это не очень мудрая идея.

— Думаешь, у них есть пушка, которая стреляет?

— Даже если они без оружия, Иван прав: не надо нам... этим заниматься. Это старые люди, им недолго осталось. У нас есть самое необходимое.

— Может, нам самим недолго осталось?

Иван пробормотал:

— Говори за себя, не за других.

— Да шучу я... Мы будем жить долго и счастливо, вот нам и понадобится то, что для тех, кто одной ногой в могиле, не имеет никакой ценности.

— Если ты с нами, тема закрыта. Пусть идут своей дорогой.

Анна взяла Грэга за руку.

— У них нет ничего... Всякий хлам.

— Пойдем, обгоним их, убедимся, что там только хлам. Обещаю ничего руками не трогать.

Иван покачал головой.

— Пусть уходят. Мы не будем с ними пересекаться.

— Они еле сунутся. Мы до вечера здесь промаемся. Пойдем. Не буду я их трогать, больно надо... Если вы такие правильные...

Иван повернулся к Грэгу, встал у него на пути... Крики впереди вынудили его оглянуться.

В оконном проеме домика на переезде возник чернобородый мужик. Он высунул арбалет, навел на стариков.

— Стоять! Проверка на дороге!

Из домика выскочил второй — худой, лысеющий, заросший черной щетиной. В руке он держал пистолет. И он бежал в сторону четверки застывших людей.

Иван толкнул вправо Еву и Анну, потянул их прочь с трассы.

— Бегите! Вдоль железки... Быстрее!

Они понеслись мимо деревни, удаляясь от трассы.

— Стоять, крысы! — закричал Щетина.

Иван обернулся. Щетина сокращал расстояние.

Пришли в движение старики. Старик потянул тележку дальше, стараясь изо всех сил. Старуха запричитала. Чернобородый не повторялся — он выстрелил из арбалета, старик рухнул. Тележка опрокинулась, из нее вывалилась часть вещей.

Щетина вскричал:

— Стоять! Пристрелю!

Беглецы сместились к деревенской окраине, путь лежал мимо покосившихся заборов по узкой тропе. Тропа уходила вправо, и беглецы уходили из поля зрения Щетины. Ненадолго — дальше окраина снова тянулась влево, впереди была маленькая речушка.

— Уходите в деревню! — вскричал Иван. — Прячьтесь!

— Стоять, крысы!

Иван оглянулся. Щетина остановился, прицелился, выстрелил. Иван пригнулся, вильнул в сторону, к забору. Пуля ударила в дерево.

Вот и смещение вправо. В заборе показался проем. Иван решился — прыгнул в проем, пытаясь выхватить топор. Заметил на земле узкую доску, прогнившую, но для удара будет достаточно. Он подхватил ее, поднял, замер. Ошибаться нельзя — у Щетины огнестрельное оружие. Паникой обожгла мысль: что будет с Евой?

Появился Щетина. Он заметил движение, но направить оружие на Ивана не успел — на его руку обрушилась доска. Щетина заорал одновременно с выстрелом. Пистолет отлетел.

Щетина, схватившись за руку, присел, второй удар Ивана повалил его на землю.

Впереди его ждала Ева, бледная, с растрепанными волосами. Пот блестел на лице, она тяжело дышала и, не смотря на риск, остановилась, как только услышала выстрел.

— Живой! — она бросилась к нему.

— Уходим. Я остановил его, но он жив.

Вдвоем они нагнали Анну. Она, запыхавшись, остановилась, увидев, что Щетина исчез. Подождала бегущих к ней Ивана и Еву. Остановился и Грэг.

— Вперед! — крикнул Иван.

Никого не пришлось убеждать. Они перебежали по шаткому мостику узкую речку. С полкилометра тянулась окраина деревни, затем они сместились к железнодорожному пути.

Грэг повалился на землю.

— Все! Хватит... За нами все равно никто не бежит...

Рядом опустилась Анна. Иван видел, что и она хотела остановки, не хватало дыхания попросить. Иван помог Еве сесть.

— Ты как?

— Терпимо... Беременным физкультура полезна.

Она через силу улыбнулась, Иван ее не поддержал. Грэг пробормотал:

— Вот уроды... Если б не старики с тележкой... нам бы конец.

— Их убили... — сказала Анна. — Ради чего? Ради пары рюкзаков?

Иван, не глядя на нее, сказал:

— Они не собирались нас убивать.

— Этот страшила... он же стрелял!

— Он стрелял в меня, не в вас. Вы скрылись из виду, он решил подстрелить хотя бы меня. Может, он хотел

меня ранить, не убить. Или подстраховаться — вести под прицелом пистолета легче двух женщин и мужчину, чем двух женщин и двух мужчин.

— Куда вести?

— Они из банды. Налегке — без рюкзаков. Устроили засаду в надежде на пленников. Один из них потому и выскочил, что мы стояли и ждали, когда пройдут старики. Им пришлось себя обнаружить. Они ищут рабов.

— Но второй... выстрелил в старика?

Иван пожал плечами.

— Тот был старым. Долго он протянет? И откуда мне знать, что у них на уме?

Грэг сел, оглядываясь:

— Значит, где-то поблизости банда?

— Или не поблизости. Может, тут всего пару человек, и это такой рейд.

— Это они сидели в том доме, — сказала Ева. — Пока из-за крыс стало невмоготу.

— Ты права, — Иван поднялся. — Тот дом — подходящее место для засады. Любой путник, проходивший мимо, замечал, что он выглядит целее, шел туда, как в ловушку. Из-за крыс они выбрали другое место.

— Что нам делать? — спросила Анна.

— Пройдем вдоль железной дороги, сделаем круг и вернемся к трассе. Только будем осторожней.

— Вернемся? — повысил голос Грэг. — Где-то поблизости целая банда!

— Банда может быть где угодно. Необязательно возле трассы. Подъем. Тот с бородой мог прикончить стариков и пойти по нашему следу.

Продвижение

Километра через полтора справа от железной дороги за узкой речкой показалась деревушка. Иван решил перейти железную дорогу и пройти по лесу так, чтобы не попасть в поле зрения тех, кто мог находиться в ближних домах.

Идти было неудобно. Женщины после пробежки были измотаны сильнее обычного. Грэг, понурый, брел без единого намека на свою желчь, высокомерие и готовность к спорам. Ивану было жаль Еву, лишь ради нее одной он мог предложить привал, но он не хотел рисковать. Позади остались те, кто был опаснее стаи собак. Кто знает, может, убийцы старика — следопыты нового времени? Информации о том, что их окружало, было по-прежнему мало. Иван хотел достичь крупного поселения, с домами, где можно следить за подступами, места, которое немного уравнивает шансы, если суждено столкнуться с людьми с огнестрельным оружием.

Еще километр. Они перешли вброд речушку. Пара сотен метров — и снова деревня, на этот раз слева от железной дороги. Иван опять приказал перейти на другую сторону, углубиться в заросли. Так они миновали деревню, вышли к железной дороге, Иван заметил, что она повернула на север. Как по заказу. Он уже думал, сколько им пройти, прежде чем повернуть влево и приблизиться к трассе.

Слева потянулась заболоченная почва, справа, вдоль железной дороги, показались дома. На этот раз на деревню непохоже. Что и подтвердилось, когда они вышли к вокзалу, не очень крупному, но все же городскому. Они остановились на расстоянии, рассматривая местность:

угрюмое потемневшее от времени здание, грязные улицы. Иван не мог решить, нужно ли обойти вокзал или они найдут там какую-то информацию. Грэг молчал, посапывая, косился по сторонам, наверное, ему хватило приключений на сегодняшний день.

Все решила Ева:

— Пошли отсюда... — она прижалась к Ивану. — Мало выходов... Опасно.

Иван пошел первым, остальные за ним. Оглянувшись, он заметил непонятное ему выражение на лице Анны, но ничего не спросил — не хотел отвлекаться.

Вскоре они увидели девятиэтажный дом. Не считая церкви с потускневшими голубыми куполами, разъеденными темными пятнами, дом выглядел самым высоким зданием в городе.

Иван кивнул в его сторону:

— Там осмотримся по сторонам и остановимся.

Ева заметила:

— Если это обычный дом Прежней Жизни и... если подняться наверх, выходы могут легко перекрыть.

— Стратегия ты наша, — Иван через силу улыбнулся. — Стану богатым — куплю тебе армию.

— Иван, я серьезно.

— Сначала зайдем мы с Грэггом. Вы подождете, — он посмотрел на Грэга. — Проверь дом в бинокль.

— Пусто. Все уехали на курорт. И писем, кажись, не оставили. Можем взять пентхаус. Девочки есть, осталось нахапать водки. Кстати, можем заказать — на входе стоит портье...

— Грэг, хватит! — потребовала Ева.

— У него так стресс выходит, — сказал Иван.

Грэг хотел ему что-то сказать, но его опередила Анна:

— Я знаю, где мы. Я здесь была...

Все посмотрели на нее. Ева улыбнулась:

— Ты была здесь проездом? В Прежней Жизни или...

— Я когда-то жила недалеко отсюда. На востоке, километров тридцать, есть город. Всего день пути, — она повернулась, указывая направление. — Там мой родной город.

Казалось, у нее начнется истерика, и Ева обняла ее.

— Все хорошо... Видишь, ты оказалась в родных местах.

Иван обернулся к Анне.

— Как назывался город?

— Он... ну, это... Он... Я не помню... — она зарыдала.

— Ладно, не надо. Скоро стемнеет, надо найти ночлег.

На нее не обращали внимания, Анна успокоилась, только шмыгала носом, подавленная, смотрела по сторонам.

Они приблизились к девятиэтажке. Ее окружало открытое пространство: оставить Еву и Анну поблизости было нельзя, лишь на приличном расстоянии. Иван нахмурился, его это не устраивало. Мало ли кто следил за ними из девятиэтажки. Если этот кто-то увидит, что женщины остались одни... Иван не хотел рисковать.

Он покосился на Грэга. Не предложить ли ему остаться с женщинами, чтобы Иван вошел в дом один? Его опередила Ева:

— Пойдем вместе. Пусть каждый найдет себе дубинку или длинную палку.

Разумное предложение.

Они вошли в девятиэтажку без происшествий. Без логической причины Иван выбрал левый подъезд, вошел первым. Шли, заранее сговорившись, каждый на опреде-

ленном расстоянии. Замыкал цепочку Грэг. Он сжимал в руке тонкую, но крепкую палку. Ева держала в руках черенок то ли лопаты, то ли граблей. Анне ничего не нашлось, да она и отказывалась, не желая ничего брать в руки. Ее решили не напрягать.

Иван поднимался наверх медленно, часто останавливался, прислушиваясь, остальные невольно подстраивались под него. Снаружи тускнел дневной свет. Бойницы окон подъезда были узкими, с каждым этажом сгущался полумрак.

К девятому этажу Иван услышал, как тяжело дышат Ева и Анна. Он замер на несколько ступенек ниже восьмого этажа, поджидая их, сделал знак, чтобы они остановились. Подтянулся Грэг.

— Стойте здесь, — прошептал Иван. — Я зайду туда один.

Он поднялся на девятый этаж. На площадке остановился, прислушиваясь. За мгновение до того, как он замер, ему померещился тихий шорох, но было ли это в реальности и, если да, за какой дверью, он определить не смог бы. Или это был звук снизу, где остановились Ева и Анна?

Время шло, сумрак заполнял подъезд. Иван приблизился к ветхой двери слева от себя, прислушался. Он потянулся к дверной ручке, когда пустой дверной проем на другой стороне площадки показался ему более подходящим. Иван пошел к квартире напротив. Он еще не дошел до проема, когда за спиной со стуком распахнулась дверь и длиннобородый тип с длинным ржавым ножом выскочил на площадку. Иван вскинул топор перед собой.

Длиннобородый не напал на него. Он побежал вниз, прыгая через три-четыре ступеньки. Иван с предупреж-

дающим криком помчался следом. Ева и Анна попятились, перед ними встал Грэг, но он тоже отступал, и втроем они оказались между седьмым и восьмым этажами. Длиннобородый не напал на них — метнулся к одной из квартир восьмого этажа. Навстречу ему выскочила женщина в халате, из квартиры послышался девичий крик:

— Мама!

Длиннобородый толкнул женщину в квартиру, захлопнул за собой дверь — металлическую, невредимую. Иван застыл на площадке, попятился, руки противно дрожали. Из-за двери послышался крик девушки, скрежет каких-то сдвигаемых тяжелых предметов.

Иван спустился на площадку между этажами.

— Сваливаем отсюда, — сказал Грэг.

— Пойдите...

Женщины, напряженные до предела, едва сдерживались, чтобы не побежать вниз.

— Мы их сами напугали, — сказал Иван. — Они неопасны.

— Ты видел его тесак?

— Слышишь грохот за дверью? Баррикадируют дверь. Они просто остановились здесь.

— Какого черта он был на девятом, а остальные засели ниже? Похоже на засаду..

— Здесь дверь хорошая. А наверху... Может, он пошел туда осмотреться, и тут мы появились. Расслабьтесь, они неопасны.

Суета за дверью квартиры на восьмом этаже прекратилась, наступила тишина.

— Опасны, неопасны, мне они не нравятся. Соседями решил обзавестись? Как в Прежней Жизни?

— Подождите здесь, я быстро на девятый... Вот что,

пошли-ка вместе. Уверен, кроме этой семьи, тут больше никого нет.

Они поднялись на девятый этаж, зашли в квартиру, в которой прятался Длиннобородый. Признаков того, что здесь недавно жили люди, не было. Иван был прав: Длиннобородый поднимался сюда ненадолго.

Иван взял у Грэга бинокль, какое-то время изучал окрестности, но это мало что дало — сумерки смазали видимость.

— Надо остановиться здесь.

— Что? — Грэг выхватил у Ивана бинокль. — Пошли хотя бы в другой подъезд.

— Стемнело, лучше не рисковать.

— Лучше подождать, пока Длиннобородый полезет на нас с тесаком?

— Они закупились в квартире и вряд ли выйдут.

— Загнанный зверь опасен, знаешь такое? Этот любитель тесаков подумает, что мы ждем их в засаде, надеясь взять измором. И решит, что лучше напасть самому.

— Не скажу, что ты совершенно не прав, но... Мы сами забаррикадируем дверь. Мы выше, для них путь свободен. Захотят — просто уйдут.

Анна сказала:

— Я хочу домой. Пошли завтра в мой город.

Иван замаялся. Анна смотрела на него. Грэг опустил бинокль, повернулся к ним.

— Нужно вернуться к трассе, — сказал Иван.

— Пожалуйста. Я хочу увидеть... дом.

— Зачем нам к трассе? — спросил Грэг. — Там больше шансов наткнуться на банду.

— Банда может быть где угодно.

— Хочешь вернуться к своим значкам?